

МКУ «Библиотечное объединение»
Тайшетского городского поселения

Фестиваль

авторской песни
и литературных
произведений

Сборник работ
"Фестиваль авторской песни
и литературных произведений – 2025»

Тайшет, 2025

ББК 84

Ф 44

Ф 44 Фестиваль авторской песни и литературных произведений :
сборник конкурсных работ / МКУ «Библиотечное объединение»
ТПП ; методико-библиографический отдел; составитель О. Б.
Козлова ; редакция С. В. Москаленко – Тайшет, 2025. – **128 с.:**
фот.

Фестиваль авторской песни и литературных произведений, посвящённый 100-летию образования Тайшетского района, собрал творческих людей всех возрастов в городской библиотеке. Для участия в Фестивале подали заявки юные таланты, которые делают только первые шаги на литературном поприще и, конечно, творцы своего дела. В мероприятии приняли участие 17 человек, представившие свои работы в трёх номинациях: «Проза», «Поэзия» и «Авторская песня».

После конкурсного прослушивания нелегкая задача досталась составу жюри. Москаленко Светлана Васильевна, Омеленчук Людмила Ивановна, Шевченко Ольга Владимировна оценивали работы конкурсантов.

В номинации «Проза» места распределились:
Диплом третьей степени – Владимир Рапацевич.
Диплом второй степени – Надежда Дегтярёва.
Диплом первой степени – Татьяна Петеримова.

В номинации «Поэзия»:

Диплом третьей степени получила – Татьяна Кравцова.

Диплом второй степени – Надежда Дегтярёва.

Диплом первой степени – Дарья Бабурина.

В номинации «Авторская песня»:

Диплом третьей степени – Муслима Валеева.

Диплом второй степени – Татьяна Саввенко.

Диплом первой степени – Ирина Соболева.

Фестиваль прошёл в душевной обстановке, потому что каждая творческая работа – это отражение внутреннего мира авторов, их эмоций и мыслей. Обладательницей «Приза зрительских симпатий» стала Дарья Бабурина, её выступление особенно тронуло присутствующих.

Все участники получили памятные подарки и дипломы.

Номинация «ПРОЗА»

Татьяна Петеримова

Однажды весной

Шёл 1985 год. Весна. Учебный год подходил к концу.

Весна вступала в свои права. Раннее весеннее солнышко растопило снег, верховые воды заполнили низины. Так и образовалось озеро между двух заборов...

Слоняясь без дела, мы с моей одноклассницей Анькой Татарниковой наткнулись на этот природный сезонный водоём. Рядом лежала оторванная и ещё не прибитая к месту калитка. Игра была организована в миг! Мы теперь уже не Таня и Аня, а капитаны дальнего плавания! От одного берега до другого, метров десять в одну сторону и столько же в другую. Колумбу и не снились такие просторы! Живо вскарабкавшись и

обретя баланс, мы превратились в испытателей. Веслами и баграми служили нам штакетники из гнилого забора детского садика, граничащего с этой природной лужей.

– Полный вперед! – командовала Анька и мы, отталкиваясь одновременно передвигались от одного берега к другому.

– Лево руля! – и мы плывем в другую сторону...

Одно неловкое движение и наш плот – наша калитка погружается в воду тут-же, и холодная вода наполняет наши резиновые сапоги.

Кое-как выгребли мы к берегу. Холодной водой сводит ноги садимся на крыльцо детского сада, снимаем сапоги, стягиваем мокрые насквозь носки и даже колготки. Надо идти сдаваться домой – ко мне нельзя! У меня дома бабушка – загонит и больше не впустит.

А солнце стоит еще высоко и гулять еще очень хочется.

– Пошли ко мне! Мама на работе во вторую смену, – говорит Анька. Мы впахиваем окоченевшие синие ноги в мокрую резину и несемся вдоль по улице направляясь к Анькиному дому.

И вот обе сидим под одеялами, укутав ноги, покрывшиеся гусиными пупырышками. В кружках чай с мёдом.

Болтая, мы различили сначала еле уловимый, а потом слегка нарастающей шумок журчащей воды.

– Что это?

– Нам уже просто мерещится вода!

– Стоп! Ничего подобного! – говорит Анька и открывает подполье.

Медленно сначала, а потом как-то одновременно вода начинает заполнять картофельную яму и вот уже до нашего сознания доходит, что стихия топит картофель...

Мы из «Колумбов» к «Синекожих дрожалок» вынуждены превратиться в «Картофельных спасалок» – так назвала нас Анька.

Сапоги мокрые! Надевали сухие колготки. Мне достаются Анькины, тёплые носки, впихиваем кое-как ноги в мокрые сапоги и берём дуршлаг и ведро! Надо лезть в подполье и спасать.

Первым делом выставили бочки с морковью и свёклой сил нет. Нам по 10-11 лет. Но делать надо! Дома никого нет!!! Измученные кое-как доставали 10-15 вёдер, валимся на грязное затоптанное крыльцо...

Помощь приходит неожиданно!

Сарафанным радио по деревне разносится весть, что низ начало топить и вода хлынула в подполья.

Анькину маму отпустили с работы. Она пришла с подмогой нас спящих на крыльце, разморенных усталостью и весенним солнцем переносят кое-как переносят на диван:

– Отдыхайте, помощницы...

На завтра мы, оставшиеся дома. Обоих свалила температура. Горчичники, банки, растирали скипидаром – это, конечно на весь список проведенных над нами процедур.

Подвиг по спасению нашей картошки запомнился и зафиксировался в памяти надолго.

И только мы с Анькой знали, что простыли-то мы, будучи Колумбами.

Октябрь, 2023 год.

Лыжи

Сибирская зима шла к концу. Начиналась календарная весна. 4 марта – воскресенье. Мы с моей подружкой и одноклассницей Анькой Татарниковой решили протоптать заново по большому огороду лыжню. Лыжи были куплены мамой недавно взамен маленьким – детским.

Пройдя круг другой и, устав от этого монотонного дела, мы остановились посреди огорода и болтали о

виденном по телевизору соревновании по прыжкам в воду.

– Ты знаешь, Танька, вот Олег Шведов золото взял – круто!!!

– А как он зимой тренировался? Летом – понятно: речка! Там с высоты прыгать можно в реку и оттачивать своё мастерство! А зимой как? – говорила это Анька, хитро прищутив глаза и глядя на забор, который соединял два картофельных огорода – наш и соседки-Черёмихи – одинокой вдовы и очень сварливой бабки.

По ту сторону нашего огорода, как раз около забора росла верба, в которой перед Вербным воскресением мы всегда наламывали прутьики с начинающимися распускаться почечками (традиция такая).

– Спорт – это дело такое! Без тренировки никак нельзя!

И тут нам в голову одновременно приходит великолепная идея! Забравшись по забору, можно уцепиться за ветку вербы и, повиснув на ней, пикировать снег! Олегу Шведову (золотому призёру СССР по прыжкам в воду с трамплина) такое может и не снилось, но нам занятие это очень зашло...

– Иии раз!!! – повиснув на ветке, произносит Анька.

– Иии два!!! – летит в снег.

Набрав полные валенки снега, мы догадывается натянуть поверх них рейтузы и продолжаем развлечения.

– Иии раз!

– Иии два!

Я ловко пикирую снег и опустившись, выбираюсь по направлению к забору.

– Иии раз!

– Иии два!

Анька оказывается в снежном бассейне.

– Та-неч-ка, – прерывает наше развлечение крик мамы, – Веста отцепилась. Поймай, прицепи!

Мы начинаем с Анькой собирать лыжи. Идём ловить собаку. Но... я нахожу только две палки от лыж и одну... только одну лыжу. Вторая предательски где-то утонула в снегу...

В слезах бреду к дому. Рассказываю маме о своей беде.

– Ничего страшного! – говорит мама, – Снег растает, огород подсохнет, пахать будем – найдём! Оставшуюся одну лыжу ставлю около собачьей будки. Санки рядом. Плетёмся ловить собаку, сорвавшуюся с цепи...

Быстро проходит март, наступает апрель и вот уже сошёл снег и по меже можно пройти и поискать пропавшую лыжу.

– Ура, нашлась! – радуюсь я, найдя пропажу.

В приподнятом настроении прихожу с огорода и ставлю лыжу-гуляку к её паре. И тут!!! От увиденного аж затуманилось в глазах: первая лыжа была зверки изгрызена нашей молодой собакой Вестой.

– Надо сразу всё на своё место ставить! – подводит итог моему горю мама! – Было бы на месте – не было бы слёз.

Так бесславно закончилась лыжная история шестиклассницы Танечки.

Март, 2024 год.

Надежда Дегтярёва

Юбилейная медаль

В списке оставалось ещё два адреса: Барбовой и Семенова. Оба они были в старой части города и располагались по пути к дому, и Анна Ивановна надеялась посетить обоих ветеранов до конца дня.

Стояли последние дни апреля, зелень уже радовала глаза своей бодростью, весна плавно переходила в лето. Хотелось скорее заняться огородом, чистить старые грядки, копать дышащую землю. Солнце весело пригревало сверху маленький городок, по небу, синим куполом, раскинувшимся в вышине, легко плыли невесомые мелкие облака. Про морозы и зимние ветра думать совсем не хотелось – они забылись до следующего октября.

Анна Ивановна, председатель совета ветеранов, ходила третий день по квартирам участников войны, знакомилась с ними, выясняла, кто сможет присутствовать на ежегодной встрече мэра района,

посвященной Дню Победы. Нынешний год был юбилейный, участникам войны полагались медали, празднование обещало быть торжественным. И ей, как председателю, необходимо было выяснить, кто сам доберется, кого привезут дети или внуки, а за кем и машину придется отправить. Картина вырисовывалась мало радостная: многие участники войны уже не в силах были выдержать церемонию награждения, несколько человек были лежащие. Из тридцати человек по списку могли присутствовать только двенадцать... Да и сам список за прошедший год уменьшился почти в два раза... Вот еще два адреса, и картина будет полной, завтра можно отдать список ветеранов в администрацию.

Условия жизни у ветеранов были разные: за кем-то родные приглядывали ответственно, уважая заслуги, в комнатках или домах было чистенько, уютно, да и дедушка был бодренький, бабушка активная. Родственники с удовольствием рассказывали про своего ветерана, было видно – стариков здесь любят. А было и так, что сжималось сердце от немощности человека, от застоялого запаха старости, от пыли на поздравительных прошлогодних открытках...

Анна Ивановна поднялась на второй этаж небольшого кирпичного дома, нашла квартиру, постучала. Лаем залилась собачка, судя по тьявань-мелкая, но сторожкая. Дверь открыл мужчина, выслушал, пригласил в квартиру, крикнул:

– Мама, к тебе пришли из администрации поздравлять! – и скрылся в другой комнате.

– Я к вам, Вера Александровна! И не только поздравить, а и пригласить на торжественную встречу к мэру района.

– Ой, девонька, проходи, я сейчас!

Навстречу, наощупь касаясь стены, выглянула маленькая старушка. Незрячие глаза смотрели мимо Анны Ивановны, но лицо приветливо улыбалось.

– Прходи-ка, садись! Я сейчас вот приоденусь. Дай-ка мне халат со стены, который зеленый. Вот и славненько! Я –то гостей не ждала, сижу в рубашке, отдыхаю, как барыня!

Анна Ивановна присела на стул, представилась, объяснила цель визита. Вера Александровна нашарила рукой маленькую табуреточку, присела рядом.

– Не-а, я не поеду никуда! Что мне там слепой делать?

– Там концерт будет, послушайте, чаю с мэром попьете! Мы вас увезем, привезем обратно.

– Да у меня голова от шума болит, меня и так вон по сторонам кидает! По голосу–то узнать не могу, не была ты у меня раньше? Дай я тебя потрогаю.

Бледная рука быстрым движением коснулась колена, пальцы пробежались по руке, плечу Анны Ивановны.

– Нет, я впервые у вас. Вот и давайте знакомиться. Расскажите о себе, где воевали, кем были на фронте?

– Да с чего начать? Я ведь не отсюда, я с Горьковской области, Ветлужского района. Это уже судьба меня закинула в Сибирь. А так-то я где только не была! Война началась, я лишь на курсы медсестер

поступила. Я малё-о-хонькая была, метр с хвостиком. Повестка-то пришла мне в июне сорок второго, отправили на курсы радистов в сам город Горький. Медсестер, говорят, хватает, а радистов мало.

Вера Александровна вытерла уголки выцветших губ, улыбнулась своим мыслям, вспоминая юность. Катаракта на глазах придавала ее лицу странное выражение: смотрит и не смотрит. Рука все также беспокойно бегала по руке Анны Ивановны, перебирала ее пальцы, как бы боясь потерять собеседника. Сына в соседней комнате было не слышно. В комнате находилась кровать с тумбочкой, плательный шкаф, старый стол. Было чисто, скромно, без лишних вещей и украшений, ни картинки на стене, ни скатёрочки. Анна Ивановна достала авторучку и начала записывать рассказ Веры Александровны. Сначала просто для информации, а затем, увлекшись, подробнее. Она старалась записывать все про фронтовиков, ведя своего рода архив. Уходили ветераны и память о них потихоньку стиралась...

— А на курсах радистов в первый день перед казармами построили нас в шеренгу капитан и говорит: — «Девушка с левого фланга, шаг вперед!» Я вышла. Он меня осмотрел: — «Птенцов таких куда шлют? Отчислить домой! Здесь нянек нет!». Я расплакалась: — «На фронт хочу! Не отправляйте меня, я вырасту!» Тот грустно улыбнулся и сказал, если хоть одна тройка будет — отчислим. Так все шесть месяцев и проучилась только на четыре и пять. Потом воинская часть под Москвой, двадцать километров пешком шли, голодные,

усталые. Солдаты нас оберегали, жалели. А я рада была, что не отчислили. И стала я служить в гвардейские краснознаменные ордена Ленина 3 отдельном дивизионе спецслужбы войск НКВД, часть спецсвязи секретного назначения, входила в состав 21 армии 3 Белорусского фронта Минского направления. Командарм Черняховский. Видела его лично, был у нас, спрашивал: - «Как служитесь, девчата? Как питание?» Красивый был мужчина, видный.

Руки у Веры Александровны перебирали подол халата, разглаживали его на колене, время от времени проверяли собеседницу: здесь ли сидит, не убежала ли? Анна Ивановна сначала косилась на ее руку, затем засмеялась:

– Вот мое колено, держитесь! Я не убегу!

– А я ведь на фронте не курила! Давали нам сто грамм сахара на десять дней. А я махорку на дополнительный сахар меняла. Любила я сла-а-адкое! Не все выдерживали такую жизнь. В Горьком одна девчонка повесилась, другая в ухо ткнула шилом. Все было! А я вот до Берлина так и дошла со своей частью. И награды у меня имеются, не только юбилейные! Помню нашего капитана Филатова, маленький такой мужичок, толстенький, в очках. Он мне приказ в ноябре сорок пятого подписывал, а сам еще оставался служить. После войны один раз даже виделись с ним, в году сорок седьмом. А потом уже судьба раскидала, не знаю, жив ли, умер ли.

Анна Ивановна записывала, удивляясь памяти девяностолетней женщины, ее бодрости, живости. Надо

же, и номер части, и фамилии помнит, будто вчера демобилизовалась. Все они, старики, живут уже прошлой памятью...

— Вы не устали? А то отвлекаю вас?

— Да ты что, девонька! Слушай, вот дальше-то что было!

— А в чем ваша служба состояла в спецчасти?

— Да немцев в эфире уничтожали! У нас машины были такие специальные, с глушилками и пеленгаторами. Вот мы и ездили по линии фронта, выслушивали, где немцы по эфиру что передают. Ой, раз побежала отнести донесение, мне надо было через просеку пробежать, а там немцы идут с автоматами, разговаривают, смеются. Я за березой сжалась, дышать боюсь. Стою и Бога молю, лишь бы не заметили! Мне бы птичкой пролететь, отдать документы, а там пусть и убивают! И контузили меня раз. Ехали по лесу и попали под бомбежку. Восемь девок было и капитан Гора. Я дальше всех отлетела. Валяюсь без сознания. Хорошо, фельдшер Надежда Ивановна успела крикнуть: «Подождите, дышит!» Потом очухалась. А вот еще в Белорусском лесу, там деревня была вся сожжена. Мы подъехали к ней на трех машинах, а от нее одни печные трубы торчат и больше ничего, тишина. Женщина, увидев нас, подошла, говорит, что всех убили, и даже детей всех перевешали. Рядом, мол, немцы, не располагайтесь надолго. А от деревни одна конюшня осталась. Мы там залегли, кроме меня, еще трое нас было в конюшне. Все москвички - Дора, Лиля, Вера. Вера так храпела! Мы в другой угол уползли от нее. А

немец ночью на звук пришел, штыком на храп тычет: «Мутер, брот, млеко!» Я как со страху закричала и в окно выпрыгнула. А немец испугался и в другое! Разбежались в разные стороны. Я прибежала к машинам, мы все собрались и быстро уехали. Да это уже когда мы фрицев гнали к границе.

Бумаги уже не хватало записывать, в ход пошла повестка дня от недавнего собрания, а речь Веры Александровны все журчала как ручеек, выбегающий из-под камушка. Уже и спина затекла у Анны Ивановны, пить хотелось сильно, но она боялась лишний раз пошевелиться. Только иногда направляла рассказ навводящими вопросами ближе уже к нашему времени.

– Что после войны делали? Замуж выходили? Дети, внуки?

– А я все войну девочкой оставалась! Ни одного мужика к себе не подпускала. Не-а, конечно. Кто хотел, так соглашались, все тоже было, природу – то не обманешь. А я видно шибко маленькая была. Ко мне как к дочке и относились. Мне и хорошо было. Замуж-то я уже после войны вышла, в сорок девятом, осенью. Я уже тогда работала в рабочей столовой, село было недалеко от моего Ветлужского района, где я до войны жила. Саша мой красавец был, фронтовик тоже. Наград у него куча была! Вся грудь в орденах и медалях! Он у меня танкист был, горел не раз, но вот живой остался, чтобы на мне жениться. Это он так говорил мне, когда расписались! Сам из деревни соседнего района, домой как раз ехал со службы, да остановился воды попросить. А на другой день с другом заехал - посватался! Любовь

с первого взгляда! Не просто так! Детей у нас долго не было, лет пять. Саша очень хотел ребенка, все переживал, что проклятая война перечеркнула его мечту. Даже разводиться уже хотел, сначала думал, что во мне все дело. А мы с ним в поезде ребенка взяли да сделали! Как он радовался дочери! Ну, мешок-то развязали – там вскорости и вторая родилась! А сына долго старались, лет через восемь после второй дочки получился. Это уже на целине мы жили. Да вот только не удалось мужу порадоваться на взрослого сына - умер мой Саша, когда Игорь только-только подрос, в школу пошел – тут и военные раны дали о себе знать. Ведь он весь у меня был израненный, живого места нет. Такой был он у меня хороший, так его стало не хватать.

Слезы побежали быстрыми капельками из незрячих глаз, находя дорожки среди морщинок на щеках, падали на старенький выцветший халат и терялись среди едва различимых цветочков... Вера Александровна промокнула глаза:

– Живу вот, живу. Уже девяносто отметила. Катаракта оба глаза мне ослепила, только и слышу звуки, да руками трогаю эту самую жизнь. А жить-то как хочется! Почти всю Россию проехала, сначала с мужем, затем за сыном. Сюда вот к нему приехала, дочки, те в Москве остались, вернее, в Подмосковье. Я у них там не прижилась, стала не нужна. Здесь у сына в Сибири живу, а они лишь звонят. У сына мне хорошо, невестка не обижает, телевизор мне подарили, слушаю я его, когда не устала. Сын на пенсии уже, геологом всю жизнь проработал, да тоже беда с ним приключилась, мышцы

застудил с нервами, группу ему дали. Не знаю, как правильно его болезнь называется.

Анна Ивановна поняла, что ей показалось странным во внешности открывшего дверь мужчины: смущенный вид, нелепые подергивания рук, мимика лица. Она тоже не знала, как называется болезнь, поэтому только вздохнула и сказала:

– Да, она не выбирает, цепляется ко всем. Мой вот тоже был на инвалидности, всю жизнь она ему перечеркнула...

И, чтобы не расплакаться самой, засобиравлась домой:

– Ладно, Вера Александровна, пойду я. И вы устали, наверное, рассказывая. И так уже время прошло много. Задерживаю я вас.

– Да ты что, девонька! Я хоть выговорила за эти годы! Тебе спасибо, что выслушала. Всю жизнь тебе рассказала! Поговорить-то сильно не с кем- сын плохо слышит. Ты заходи еще как-нибудь!

Она нащарила руки Анны Ивановны, приобняла ее, на секунду прижавшись худеньким телом, отстранилась и засмеялась:

– Уф, все высказала! Извини, что не отпускала долго!

Спускалась Анна Ивановна по лестнице и думала: – «Вот что сейчас надо фронтовикам? Пенсия хорошая, квартиры дали, медали вот юбилейные опять вручают. А вот пришла, выслушала её – так как будто рядом с ней по жизни прошла, войну её глазами посмотрела. Ей и радость. Нам же – память и наука. Любить жизнь у них,

стариков, учиться надо. На таких стариках мир и держится. Молодые бы ещё ценили это. А, вообще, придет ведь скоро такой день, когда на свете останется последний фронтовик... И надо, чтобы к нему сам президент страны приехал и поклонился в ноги в память за всех воевавших...»

Анна Ивановна вышла из подъезда, вздохнула и улыбнулась: то ли себе, то ли всей жизни сразу.

А на улице солнце уже закатывалось за крыши домов, чтобы завтра снова пройти свой путь по небу.

Барбова Вера Александровна ушла из жизни 18 января 2018 года.

Владимир Рапацевич

Любка I

Для своих шестидесяти двух, Нина по хозяйству всё делала быстро. Сказывался характер, энергичный, и даже, порою, резкий. Не любила она работу растягивать, и откладывать на потом. Да и как отложишь крестьянский труд? Скотина ждать не будет. Сам можешь где-то не поесть или не поспать, а в хозяйстве требуется всё сделать в свой час, иначе хозяйство как у того гультая,¹ всё в прорехах будет. Утром без всякого будильника подъём, и вместе с мужем Сашкой наперегонки работу делать. Стайку и загон надо вычистить, скотине корму задать, коров подоить. Сашка тем временем печку уже растопил и свиньями занимается, потом травы свежей подкосил молодняку и поросётам. Тут уж пора коров в поле выгонять, и только

потом уж себе по скорому завтрак сгоношить. Когда же внуки гостят, как теперь, то и их поднять, накормить надо. Сашка тем делом, уже свой «Белорус» за ворота выгнал, а следом за ним и сын Антон на своём тракторе протарахтел. Поехали на покос, до вечера.

Ну вот, внуки с завтраком управились, своими играми занялись, пора по грядкам пробежаться, где траву продёргать, где тяпочкой подрыхлить, а там и смороду с кустов пообобрать, пока не осыпалась, и так без конца. Потому вся работа делалась быстро, как говорится, горела в руках. И всё потому что характер такой. А характером Нина была в мать. Кстати и к ней забежать надо, посмотреть, как она.

Уже после полудня заглянула в маленький домик на соседнем, родительском подворье. (В селе все жители дом называют по-белорусски – хатой). Как и предполагала, в хате было пусто. Усадьба большая, но мама, или как в семье иногда называем, баба Люба, живёт отдельно, в маленькой хате, которую поставил сын Мишка. Было это уже много лет назад, когда Мишка женился, и пошли дети. Тогда уступил материнской настойчивости, сделал отдельную хатку. А попробуй, не уступи – сама тогда срубит! За ней, как говорят, не заржавеет. Сыновья Мишкины уже выросли, разъехались, и самого Мишки уже нет рядом больше десяти лет. Тромб оторвался! Простые вроде бы слова, а

страшные – как только хватило силы пережить это горе! Наверное, самое несправедливое дело, когда приходится хоронить тех, кого под сердцем выносил. Но неправильно говорить: «нет рядом». Он рядом, всегда рядом, как и те, кто ушли раньше и позже!..

Баба Люба привыкла жить в своей хате. Здесь всё под рукой, всё как надо и как она хотела. С трёх сторон окошечки, поэтому всегда светло. Печечка из кирпича, кровать, комод и стол. Святой угол, в котором иконки, а рядом портреты сына и внуков. А над головой небольшой плафон, который можно расположить как тебе удобно: когда шьёшь, или что мастеришь, или просто читаешь. И никакого пластика, никаких обоев. Половицы крашенные, стены и печка выбеленные – и дышится легко, не как в современных домах, где нет ничего натурального...

А вход в хату лежит через красивое крылечко и сени. В сенях добротная лестница ведёт на чердак, достаточно высокий. Там разные травки развешены, каждый пучок на своём месте. А сразу за хатой начинается бабы Любино царство, часть из которого называется просто – «Сказка». Чтобы это место описать, отдельный рассказ потребуется.

Сказка, вместе со своим трехглавым храмом, зверушками, скульптурами и сказочными героями перетекает в обычный деревенский огород соток в

сорок, часть которого возделывает неугомонная сказочница. Здесь тоже всё устроено как нужно ей. Устроено и обихожено: где положено – зелень и цветы благоухают, а где не положено – так и травинки не найдёшь! Однако, чтобы такой порядок был, много труда приложить нужно. А труд – это главное увлечение хозяйки, можно сказать, её хобби. Вот и сейчас баба Люба увлечённо копошилась в своём садку, как она его называла, что-то там переделывала, чтобы ещё красивее было. Нина подошла и стала наблюдать за работой мамы – чего ещё такого собралась изобразить?

*Центральное место в садку бабы Любы
занимает храм.*

Заметив подошедшую дочь, баба Люба произнесла вслух мысль, которая крутилась у неё в голове в последнее время:

– Ё-моё, сколь я уже живу! Скоро уже сто лет как будет! Помирать пора, а чаво не помираю? У того дядьки был Бог на плечах. Он его спас. А я только была послана Богом туда. Наверно мне той мужик насулил так! Живу и не знаю боли етой.

– Какой мужик? – насторожилась дочь. – Я про это не помню, чтобы ты рассказывала.

– Ой, доча, это история долгая. Вот раньше, Нина, я ето никогда не помнила, а тяперь ночами, все мои истории и вспоминая, я так понимаю, от бязделья! У мене же нет ни хозяйства, ничего, токо этот садок. Укалывали мы раньше как Папа Карла, ты знаишь! Но весяло было, хорошо! Было и плохое, но как-то яно не воспринималось плохим. Вот на Байкале мы коров доили, или на тот Уют подростками шли, страдали там! А нам всё равно хорошо было.

Ну, если время есть, то слухай. Расскажу, раз ты всё хочешь об етом знать?

...Наверное, лет десять мне было, или одиннадцать. Кончили мы уже четыре класса, а тада ж все работали от и до. Не было из людей никаго свабодного. А мы девочки, нам уже по десять лет! Мы уже до етого с мамами на тых Татарниках всё знали,

уже я на ко́нях вярхом ездила, как солдат какой! Мы всё это уже знали, а бригадиру-то это радостно, что школа кончилась. Вот там мальчишки – борноволóки², ну можа постарше нас на год-два – оне уже боронили. И трахтористы – тоже наши же школьники. А нам бригадир говорит:

– Мне надо поварихи. На стану́ надо варить трахтаристам и борноволóкам.

Приходите завтра с утра, поёдете на Татарники, пусть матки ваши вас собярут.

Ну а мы – с радостью! Мы же будем поварихами, настоящими! Не с мамами, а сами! Так уж мы обрадовались – я и Вера, подруга моя, однокласница. Вот наутро началась наша новая жизнь...

Баба Люба

с дочерью Ниной.

Та самая история.

... Остаток дня пролетел для Нины в обычных хлопотах, мужики приехали с покоса уже в сумерках, ужинали все вместе, потом ещё разными делами занимались. А из головы не шёл мамин рассказ, о приключении, которое произошло с нею восемь десятков лет назад. Когда укладывала внуков спать, старший – Ванька попросил:

– Баба, расскажи мне какую-нибудь историю.

Раньше Ванька сказки слушал с удовольствием, а теперь они уже не интересны. Это младшему Ромке сказки подавай про разных леших и кикимор, а в десять лет интересно про настоящее: про приключения и подвиги. Ромка тоже рядом пристроился, историю собрался слушать. Баба Нина рассказчица хорошая, когда слушаешь её, то всё как будто своими глазами видишь.

– А вам сразу сказать про кого будет эта история, или потом открыть, кто это был? Ванька подумал немного и решил:

– Скажи сразу. Мне так будет лучше представлять, как всё было.

– Ну тогда слушайте. История эта произошла с нашей бабой Любой, когда она была такая, как Ваня сейчас. И была она ещё никакая ни баба, а девочка Люба.

II

Где-то далеко-далеко целый год идёт война. А здесь, в центре земли – в Сибири, жизнь идёт своим

чередом. Только вот взрослых мужчин на селе почти не осталось, одни старики и подростки или комиссованные больные. Даже тех, у кого возраст к пятидесяти, как у Любкиного отца Никанора, тоже мобилизовали. Отправили правда не на запад, а на восток, охранять рубежи от японцев.

Подростки трудились вместо отцов, которые были на фронте. И не только подростки, но даже дети. Всё для фронта – Всё для Победы! – главный лозунг страны.

От деревни через поля и перелески, двигалась конная повозка. Старая кляча по имени Килограмм нехотя тащила почти пустую телегу. Наверное, в мире не было силы, которая смогла бы заставить эту небольшую, чёрной масти старую лошадку, перейти хотя бы на бег трусцой. Поэтому две возницы – Любка и Верка то и дело срывались с телеги и вприпрыжку носились вокруг повозки. Солнце ярко светило в синем безоблачном небе. Яркие янтарные сосны чередовались с белоснежными стволами берёз, украшенными нежными зелёными ветками. Кругом цветущее разнотравье, а в небе пение птиц! Радостная энергия, переполнявшая девчат, требовала выхода наружу:

– Эге-гей, Килограмм! Давай вперёд! Верка запевай нашу!

Верка, срубая хворостиной траву на обочине, весело затянула:

– Ой, вы кони, вы кони стальные!

Дорогие друзья – трактора,

Веселее гудите, родные, –

Нам в поход отправляться пора.

Припев пели вместе, а точнее, кричали:

– Мы с железным конём

Все поля обойдём,

Соберём, и посеем, и вспашем.

Наша поступь тверда,

И врагу никогда

Не гулять по республикам нашим!

Пропели и закатились от смеха.

– Ты чего Любка хохочешь?

– А ты чего?

– А я от песни. Соберём, и посеем, и вспашем, всё задом-наперёд!

– Ты ничё не понимаешь, это чтоб складно было!

– Всё равно смешно! А ты была на Татарниках?

– Да сто раз! Мы с мамкой, и там были́ и на Калиновке, и на Байкале я маме помогала. Я там и посуду мыла, и картошку чистила, и на ста́не убиралася.

А теперь мы настоящие поварихи будем. Будем варить, готовить и хлеб раздавать. А в Умыган по очереди будем ездить. Не боишься?

– Кто? Я! Да я нико́во не боюсь! Ни медведя, ни волков! Я их вот так-так-так! – И Верка снова принялась весело стегать хворостиной по траве...

До стана на Татарниках добрались после полудня. Две небольших хатки, расположенные друг к другу дверь в дверь, а между ними настил из досок – тротуар. Поодаль колодец – журавль. Ближе к хатам сооружёно кострище, рядом котёл небольшой. Вот и все Татарники. На стану́ никого нет – все в поле трудятся. Верка с Любкой принялись за дело. Перво-наперво выпрягли Килограмма и отвели за хату, где паслась точно такая же доходяга, наверное, откармливалась. Потом оглядели жилище. В одной хатёнке, вероятно, жили трактористы и борноволóки. Устроены были нары вдоль стен, а больше и ничего не было. Во второй, внутри было разорённо, правда вдоль стены были скамейки и стоял большой стол.

По-быстрому набрали воды в котёл, предварительно вычистив его с песочком. С телеги сняли мешок с картошкой, начистили примерно с ведро. Под таганком развели костер, но повесить полный котёл не смогли, силёнок ещё не хватало. Повесить его надо было, пока был пустой, но сразу не сообразили. Ну и

ладно, всё равно никого пока нет. А пока давай прибираться в хатках. Связали веники и ну подметать, только пыль столбом. А потом ещё стол и скамейки выскоблили, травы свежей по полу рассыпали – красота! Сразу чувствуется женская рука. За этими хлопотами остаток дня быстро пролетел, послышался звук приближающегося трактора, а вскоре показались и борноволоки. Всем этим подросткам, или как принято было звать в деревне, мálьцам, было всего по тринадцать-пятнадцать лет. Трактористы может постарше на год, однако

настоящие работники, самостоятельно с техникой управлялись. Увидев хозяйничавших на стане девчат, приятно удивились:

– Здравствуйте! Кто это вы такие?

– Мы поварихи, варить вам будем и жить здесь!

– О! Это дело хорошее! Давайте! А то мы по большей части всухомятку. Хлеба- то привезли?

– Привезли! Счас будем выдавать каждому. Вы нам только котёл повесить помогите.

– А ещё мы вам узельцы привезли, мамки ваши передали.

– Ну девчата, молодцы! А как убрали всё красиво.

Пока варилась картошка, мальцы соорудили для девчонок нары в пустующей хате, которую с этого дня начали именовать столовой. Девчата каждому в миску накладывали варёную картошки и выдавали хлеб.

Хлеб в колхозе выдавали только тем, кто работал в поле – по 300 грамм в день. А пекли его несколько колхозниц, в домах у которых были большие русские печи. В каждой бригаде были свои пекари. Иногда и Любкина мама пекла. Труд был привычный, но очень ответственный. Не дай Бог тесто плохо подымется, или того хуже не пропечётся, или пригорит – позор будет на всё село! А как ребятишкам хотелось поесть того хлеба вволю! Но не успевал он остыть, как его тут-же увозили на телеге в колхозную кладовую, а там кладовщица большим ножом разрезала его на пайки, взвешивая на весах, каждую пайку заворачивали в тряпицу – на всех, кто работал в поле. Но в поле работали не все, а хлеба хотелось и детям, и старикам, и тем, кто занят был на других работах. Любка видела, как мама приносила с работы домой больше половины своего пайка. Любке, брату Вальке, а ещё бабушке Варе, которая жила с ними. Но теперь и Любка будет оставлять от своей порции, передавать домой. От этого душа девчонки наполнялась гордостью за себя – я уже большая, я уже по-настоящему работаю, мне выдают хлеб!

Хлеб им с Веркой выдали в колхозной кладовой, кладовщицей там работала баба Анюта Носовкина. На телегу постелили чистую тряпицу, на неё аккуратно сложили хлеб, все кусочки по списку. А ещё баба Аня помогла им погрузить на телегу мешок картошки, да

соль, завязанную в тряпку, положила в пустое ведро, туда же спичек россыпью. А чиркалка – специальная дощечка спички зажигать, у девчат была своя. Вот и все продукты на бригаду! Хорошо, что мамки мальцев, трудившихся в поле, принесли к хомутарке узельцы и корзиночки для своих сынов. У кого сала кусочек, кто бутылочку молока или сливок.

После ужина девчата вымыли посуду, котёл с песочком вычистили, повесили обратно на таган, только крышкой сверху прикрыли. И стали устраиваться на ночлег. Так началась трудовая жизнь Любы и Веры.

Дни бежали чередой один за другим. С утра откормив ребят и проводив их в поле, одна из девчонок отправлялась в село на хорошо знакомой лошади Килограмме. Домой везли пустые корзиночки, которые развозили прямо к каждому дому трудившихся в поле ребят, обратно брали наполненные, бывало из одежды чего мамки передавали. Потом ехали в кладовую, получали хлеб и что-нибудь из продуктов, в основном картошку, а если не было, то гороху в наволочке, или крупы какой, иногда муки. Бывало, что-то из хомутарки просили привезти, если сбруя сильно прохудилась.

Пока одна из девочек находилась в разъезде, другая занималась по хозяйству. Прибиралась, готовила ужин, за лошадьми-доходягами присматривала. Их оставляли для того, чтобы хоть немного подкормились в лесу, а

где-то и подменить уставшую лошадку. Иногда девчата и обшивали кого из мальцев, починяли им порвавшуюся одежку. Труд в поле, хоть и был не детским делом, но и для ребят, и для наших поварих эта работа была обычным крестьянским трудом, на который жаловаться никому бы и в голову не пришло.

III

В тот день Любка осталась дежурить на стану. Верка уехала за продуктами, а Любка убралась, и стала готовить обед. Начистила оставшуюся картошку, но получилось маловато – не наедятся мужики. Решила варить суп. Покрошила, залила водой – вроде и суп получается жидковатый. Крупы никакой не осталось, ни гороху, ни муки на клёцки, ни луку на за жарку. Надо что-то придумать.

«Побягу, набяру грибов, и будет суп погустей, и всем хватить», – решила про себя Любка.

Она хорошо ориентировалась в округе, схватила корзинку и побежала через поле в журавлинский березняк, так называли этот лесок. В противоположной стороне была ложбина, которая называлась Почтовым логом. За Татарники, уже на юг, лежал большой перелесок, который назывался Корейским перешейком. За ним было чистое поле – оно не пахалось, а только косилось, этакая лытка. Это была граница с Курзанским колхозом. В березняке обязательно должны быть грибы,

они и рядом со станом попадались,

только грибов нужно было много, чтобы суп был густым. Тогда точно все наедятся.

Любка роста невысокого, щупленькая, но очень подвижная. Глаза у Любки озорные, тёмные, как угольки, а губы тоненькие, всё время в улыбке. И носик уточкой, как у мамы. Волосы заплетены в тугую косичку, и бантик совсем небольшой из атласной коричневой ленточки, в тон к глазам. С весны до самого снега босиком, как и все ребятишки её возраста. Вот и сейчас бегом, только пятки сверкают. Остановится Любка на минутку-другую, осмотрится вокруг, и дальше.

Вот уже и роща. Берёзки здесь красивые, не старые, и не молодые, развесистые такие, некоторые по две-три растут от одного корня, в разные стороны развалившись стоят. А есть прямые, стройные, кругом трава, а цветов! Любка постояла немного, любуясь на березняк. Дома такого простора не было, а здесь такая благодать! Вот и грибочки, рядками, рядками – канавочками такими по самому краю лесочка. Стала брать грибы. И грузди с волнушками – на засолку, и подберёзовики с маслятами на суп. Корзинка быстро наполнялась, ещё немного и можно в обратный путь. И вдруг Любка насторожилась, услышав какое-то непонятное рычание. Прислушалась, может трактор идёт через поле. Трактор в той стороне был, но далеко, не время ему.

«Может что-нибудь сломалось, и он на стан возвращается?»

Опять ничего не слышно! Нагнулась за грибами и снова что-то непонятное! Любка поднялась с коленочек, стало как-то страшно, даже жутковато! Девочка знала, что медведей в этих местах не было, а вот волков очень и очень много! И к стану ночами они подходили не раз. А отогнать их было нечем. Кони сбивались в круг, храпели и ржали, не подпускали к себе волков, били копытами. И всё равно к утру многие из них оказывались пораненными.

Опять стихло. И снова какое-то урчание! Любку уже трясло, но не столько от страха, сколько от неизвестности. Самое главное: вроде бы и боятся нечего – всё вокруг просматривается на просвет. Ветки у берёз повыше, а внизу как на ладони – всё видно. И поле отсюда, и поле оттуда! Ничего и никого нет, но интерес к грибам пропал. Любка уже была готова стригануть из леса что есть силы – бегала она очень быстро, быстрее всех ровесников и даже тех, кто постарше, но какая-то сила держала её на месте. И эта сила называлась любопытство! Надо узнать, что это и где! Любка на цыпочках, вытянув голову пошла в сторону странных звуков, которые то стихали, то опять становились громче! Девочка прислушалась. «Ага! Вроде вот там, на краю поля, где кипрей».

Кусты кипрея³ уже отцвели, и были окутаны отцветшими шапками соцветий, как белой паутиной. Большие и высокий, выше Любки раза в два. Любка на цыпочках, тихонечко-тихонечко, стала заходить со стороны поля, чтоб уже если что, по полю убежать.

«Наверно волк поймал козу, и там её жрёт и ворчит», – так размышляла девчонка, – ведь, когда собака гложет костку, то она тоже ворчит. Надо узнать!»

Зачем именно и что надо было узнать, Любка и сама не смогла бы объяснить! Но её тянуло ЭТО НЕПОНЯТНОЕ увидеть своими глазами.

Со стороны поля в кипрей тянулась стежка. Хорошая стежка, и кипрей приваленный, обломанный.

«Точно, волк козу утянул и там гложет, а мяне не слышать – наверно занятый так!».

Подошла ещё чуть ближе, ещё, и вдруг услышала голос человека! По стежке, как из туннеля, хорошо было слышно:

– О Боженька, спаси мене!..

«Наверно волк человека грызёт там. Козу-то ладно, а человека!» Корзинку отставила в сторону, а ножик сжала в руке. Стала подходить ближе, ближе, ближе по этой стёжке, недлинной – саженой в двадцать. И вдруг увидела подбитые жёлтыми сапожными гвоздиками подошвы больших кирзовых сапог! Да, человек! А больше никого нет, и кипрей вокруг не шевелится, но главное – волка нет! Значит не страшно! Подошла,

совсем вплотную, и увидела человека, лежащего навзничь.

«Что же с им? И голоса больше не подаёт, только какое-то урчание».

Встала на цыпочки, но видно только: сапоги, а дальше голова, а туловище не разглядеть из-за сапог. И Любка окликнула его:

– Дяденька!

Тишина. Не откликается. Тогда еще по громче:

– Дяденька!

Зашевелились ноги, и человек простонал:

– О! Кто там?

– Это я, Любка!

– Ой, Любка! Ой-ой-ой, Боженька! – заголосил человек, – спаси меня, Боженька, спаси меня!

– А ты чево, дяденька тут?

– Я заболел. У меня сильно болит желудок, приступ у меня. Язва.

– А где твой дом?

– Мой дом на Журавлинке. Я с поля шёл домой.

Где та Журавлинка, Любка и знать не знала? Что такое язва тоже не знала, бывало, что мамка так обзывалась на непослушного телёнка, но что такое желудок, поняла:

– Дак Вам жа домой нада!

– Ой, ой, ой помоги мне Любка, – мужчина снова начал просить, а сам прерывается, видно, боль

его давит. Потом начал повторять:

– Ой, я умру! Я умру! Чем же ты мне поможешь, Любка? Любке стало страшно, а вдруг он сейчас вправду умрёт!

– Ну ты дяденька, не умирай! Я сейчас, я быстро. Я коня пригоню, и тебя отвязу на твою Журавлинку!

И сама влупила что есть силы, домой, на стан. Уже и не про грибы, и не про обед думала Любка. Летела стремглав через поле, а мысль стучала в голове:

«А если б это смоим папкой было? И он бы умирал?»

...Отца Любки звали Никанором, и детей его все звали Никаноровыми. А по фамилии – Бернацкими, называли только в школе. Папку Любка сильно любила. Он был очень добрый, никогда не ругался на старшего сына Вальку, хоть и было за что, а на дочку и подавно. Да и вообще, отец никогда ни на кого не ругался, даже на скотину, а тем более на коней, за которыми ухаживал всю свою жизнь. Конечно и на других работах он бывал, и в лесу работал, но всё время с лошадьми. Сейчас папка где-то в Забайкалье, охраняет нашу границу от японцев. В письме сообщал, что всё хорошо, что всё так же с конями. Любке часто вспоминалось, как хорошо было, когда зимой папка приезжал из леса. Обязательно привозил гостинцы от зайчика или от лисички. Немножко сухарей, а как-то было и сахару пару

кусочков, завёрнутых в тряпицу и слегка облепленных табачной пылью. А ещё несколько больших лиственничных «светляков», с которых ребятишки колупали серу⁴. Дети конечно понимали, что никакие лисички сахар и хлеб, и даже серу, по лесу не разносят, но всё равно гостинцам были рады. Отец шёл в баню, а оттуда приходил чистый, намытый, садился во главе стола. Ужинали при свете каптёлки. Потом папка садился подшивать всем валенки, которые то там то здесь норовили прорваться. Мама штопала отцовскую одежду, а Любка вязала ему варежки – лет с восьми уже умела вязать...

До стана долетела быстро, и схватив в хате уздечку, сразу кинулась за конём. Старые, измождённые кони паслись возле болота, там трава была сочнее. Кое-как, изрядно намаявшись, удалось зауздать гнедого мерина, которому совсем не хотелось уходить от травы, он недовольно фыркал, задира л голову, в планы его никак не входило подчиняться какой-то малолетней девчонке. Пришлось Любке кричать на него, замахиваясь концом узды. Привела к телеге – самодельному фургончику, у которого передние и задние колёса были одинаково маленькими. Конюхи сами соорудили эту тележку из подручных материалов. Ездили на нём в случае необходимости: то с трактора поломавшуюся деталь в мастерские увезти, то дров подвезти немножко. После

того как поварихи приехали на своей, нормальной телеге, в этой необходимости вообще отпала. Шириной фургончик был небольшой, всего в пару досок, ещё две доски служили отлогими бортами. Возле тележки конь встал смирно, он вообще оказался недолугим⁵, этот конёк. Несмотря на столь юный возраст Любка быстро и ловко запрягла его в тележку, и направила повозку к березняку. Но идти быстро конь не хотел, шагал еле-еле. Пришлось юной вознице забраться на телегу стоя, и размахивая концом вожжей, стягнуть, как следует, по тощему крúпу. Конёк нехотя перешёл на трусцу, а Любка уже не садилась, продолжала кричать, свистеть и размахивать вожжой. Ближе к березняку лошадка уже бежала довольно резво для своих лет.

Подъехала к кипрею, прямо к тропинке и, бросив вожжи, спрыгнула с повозки:

– Дяденька! Ты живой?

В ответ тот застонал.

– Я коня пригнала, давай на телегу залазить.

Мужчина лежал лицом вверх, попробовал приподняться, но не смог. Любка подлезла к нему сбоку, давай переворачивать на живот, чтобы тот смог ползти к телеге. Но дядька был большой и тяжёлый, а Любка маленькая и лёгкая – никак не получалось! Однако, не столько Любка помогла, сколько сам решился: помирать, так помирать! Рывком перевернулся, и зажав

зубами рвущейся изнутри стон, пополз к телеге. Дополз и уткнулся лицом в землю.

«Всё, помёр!» – Любке стало страшно! Давай тормозить его за плечо. – «Слава Богу, очнулся!»

Оказалось, хорошо, что фургончик низенький, но и на такой, ребёнку затащить взрослого мужика не по силам. Двумя руками кое-как одну руку дядькину подняла, зацепила за край бортовой доски. Потом вторую. Дядька схватился, повис на этом бортике, собрался с силами и..! И тут доска отломилась, лопнула пополам и дядька снова упал лицом вниз! И слава Богу, что сломалась! Ещё ниже стала телега!

На дне фургона две доски, а между ними щель. В эту щель сверху Любка просунула дядькины кисти рук. Любка понимала, что если сейчас он не заползёт на телегу, то тогда всё! Тогда она точно его не спасёт!

– Ой, дяденька, надо же как-то тебе залезть!

Мужчина стоял на коленях, зацепившись из последних сил за доски.

– Боже, помоги нам! Боже спаси меня!

И тогда Любка, встав на четвереньки подлезла ему снизу под живот и начала подниматься. Разве мог ребёнок поднять на себе взрослого Мужика? Конечно же нет! Но так получилось, что мужик, используя эту слабую помощь перевалился в телегу. Осталось ноги закинуть. Но с этим Любка справилась. Дядька лежал на

телеге!

– Дяденька, ты держись, не свались тольки.

Любка вскочила на телегу, так, что дядька оказался промеж её ног, стеганула коня и погнала его прямо через берёзовую рощу. Конь, который до этого стоял смирно, напряг свои силы и потрусил в сторону Журавлинской дороги...

IV

За всё время рассказа Ванька не разу не отвлёкся, слушал, не проронив ни единого слова. Не каждому взрослому дано уметь слушать, как этот ребёнок! За внуком интересно наблюдать, когда он слушает. При свете ночника Нина видела, как время от времени глаза у Ваньки становились всё больше и больше. В какой-то момент показалось, что только одни глазищи на лице! Ромка давным-давно сопел, отвернувшись к стенке, да и время уже к полуночи.

– Может на сегодня хватит? Завтра дослушаешь!

– Нет баба, давай сейчас? А то я тогда не засну!

...«Где-ж тая Журавлинка? Эта дорога от нашего стана – в Курзан, а эта, наверное, точно на Журавлинку. Она такая, накатаная конями, помятая» – думала Любка, а сама погоняла коня.

Дорога местами была мягкая, наезженная, но вот и густой лес, а там лужи и корни здоровенных деревьев.

Фургончик весь скрипел, когда переезжали через корневища, становилось страшно – вдруг развалится телега или отвалится колесо! Да и мужчина легко мог свалиться с телеги, хорошо, что Любка догадалась сломанную доску подложить ему под бок, та немного придерживала, не давала скатиться. А ещё Любка знала, что в таких местах волки точно есть. Но где дорога позволяла, там уж девчушка разгоняла коня, свистя и размахивая концом вожжей, раз за разом стегая по тощему конскому задку. Внезапно лес кончился, как обрубили, и за небольшим полем показалась деревня. Въехали в деревню, а там ни души – все на работах, даже ребятишек не видать. Повернула коня в дальний конец, и вдруг увидела, как немного впереди, из хаты вышел какой-то мужик и направился в противоположную сторону от Любки.

– Дяденька, подожди! Дяденька не уходи!

Мужчина услышал, развернулся в сторону повозки.

– Я тут человека вам привезла! Он умирать! А можа уже умер! – Любка натянула вожжи и остановила коня.

Мужчина быстро подошёл к повозке, нагнулся над больным:

– Так это же Аркадий! Что с ним?

Любка торопливо начала рассказывать, как наткнулась в лесу на незнакомца, и что тот сказал ей, что

он из Журавлилки.

– Распрягай коня! Я сейчас привяду своёва, –
скомандовал мужик.

И побежал в сторону какого-то дома, наверное, хомутарки. До девчонки не сразу дошло, зачем распрягать коня, но начала делать, что приказали. Из-за хомутарки, мужик вывел молоденького коня. Тот прыгал, ржал, и даже Любкин конь стал ему откликаться. Мужик быстро завёл своего коня в оглобли фургончика, запряг, вскочил на телегу, Любке только крикнул уже на ходу:

– Я яво в больницу повязу!

И повёз. Молодой конёк с места взял рысью, и вскоре скрылся в лесу. Из того самого дома, откуда выходил мужик, теперь вышла женщина, по виду беременная, с большим уже животом:

– Что тут происходить?

– Я дяденьку привезла больного! А ваш дяденька повёз яго в больницу. Женщина равнодушно повернулась, и снова пошла домой.

Ну а что оставалось делать Любке? Подвела своего коня к колодцу, встала на сруб, вспрыгнула на спину коня и поехала назад верхом. И только когда завернула в лес, на неё нахлынули все переживания, которые случились сегодня с нею. Любка заревела, размазывая слёзы по щекам. Конь, прислушиваясь к ней прядал

ушами, и помахивая хвостом, не спеша трусил в сторону полевого стана.

– А если б это папка мой! Взял бы вот и помёр бы! – вслух причитала и рыдала Любка. – И няхто яво б не нашел бы, пока бы он не запáх бы! А волки бы яво точно обгладали.

Потом вдруг вспомнила: «Боже, надо же ещё и обед варить, сколько время прайшло? Люди-то голодные, ись хочут!»

Пока добралась до стана, барновалоки уже огонёк разожгли. Любку, конечно потеряли, но ругать сильно не стали, подумали, что пошла по грибы, и наверно заблудилась. Когда увидали идущую рядом с конём, с корзинкой грибов захохотали:

– Где тебе черти гоняли на коне? По грибы на коне ездить?

Пришлось коротко пересказать, как и что с нею произошло, тогда успокоились, стали помогать грибы чистить. В котле закипала картошка, и грибы оказались как нельзя кстати. Тут и трактористы подъехали, как раз к обеду.

– Вы только никому не рассказывайте, а то бригадир меня будет ругать, – просила Любка...

– На этом и закончилась история, которая приключилась с нашей бабушкой, давным-давно, почти

восемьдесят лет тому назад – закончила рассказ Нина. – Тележку со сбруей потом вернули, её пригнал мужчина, которого поставили работать учётчиком вместо заболевшего Аркадия. Он рассказал, что тому сделали операцию и спасли. Врач, который оперировал прободную язву, сказал, что ещё бы буквально пять минут – и было бы поздно! А этот мужчина, которого спасла, ещё долго лежал в больнице, пока не поправился. Сам он был откуда-то из-под Москвы, потом, наверное, туда и уехал, но очень просил отыскать и поблагодарить девочку Любку, которая его нашла и спасла. Ещё сказал, что Аркадий молил Бога, чтобы эта девчонка жила до ста лет, и никогда не болела такой болезнью, которая была у него...

– А где сейчас эта Журавлинка? – спросил внук.

– Уже много лет прошло как не стало ни Журавлилки, ни Татарников, ни Калиновки, ни Байкала. Колхозы после войны стали укрупнять, и люди из маленьких деревень перебрались к нам на Умыган, а кто ещё куда. А возле бывшей Журавлинки дед Саша с дядей Антоном теперь косят покос. Вот и сегодня сено там убирали. Раньше-то на конях да вручную, а теперь тракторами.

Вот послушай, Ваня, я хочу у тебя спросить. Как ты считаешь, то, что сделала баба Люба, когда была девочкой, можно назвать подвигом?

– Реально баба – это подвиг!

– И я так считаю, что подвиг! А баба Люба говорит, что ничего такого здесь нет, что дядьку этого спас Бог! А я так думаю, что Бог нас спасает нашими руками! Ну спи, Ваня, потом сам бабу Любу расспросишь подробнее, если что. Завтра утром вместе молóчку в Тулун повезём, и к маме вашей заедем.

Октябрь, 2020 год.

¹ Гультай, гультай (*белорус.*) – те, кто не хочет работать, лодыри.

² Борноволóками называли подростков, которые пахали и боронили на лошадях. Само же существительное произошло от словосочетания «бóрону волочить».

³ Кипрей – по-другому – Иван-чай.

⁴ Сера – смола лиственницы. Одно из любимых занятий детей – жевать серу.

⁵ Недолúгий – измождённый, малоподвижный.

Елена Галимжанова

Тайшетское детство

«Мам, а как правильно написать «Таяшет» или «Таешет»? – спросила Ленка, она только что закончила первый класс, написала письмо двоюродному брату, и решила самостоятельно подписать конверт.

Мама сидела рядом на диване и читала книгу, подняв глаза на Ленку, она сказала по слогам: «Тай-шет».

– Ой, а что это означает? – с интересом спросила Ленка.
– Кажется, это переводится как «талая вода», – ответила мама.

Ленка подперла щеки кулочками и задумалась: вспомнила Тайшет весной, когда талая вода с пригорков лавиной, с грохотом на перекатах стекает в кюветы и канавы и, запустив деревянную щепку – кораблик, можно дружной ватагой бежать за кораблем своей

мечты и добежать до речки Тайшетки. Лед на речке держался долго и принесенные ручьями щепки-кораблики теснились на рыхлой кромке этого льда. Смелые, бесшабашные мальчишки вылавливали свои суденышки и прыгали от радости. Ленка этот путь по краю кюветов и канав проделывала неоднократно с двоюродным братом и его друзьями, и ей это ужасно нравилось.

Пока Ленка еще не училась в школе, ее часто привозили в Тайшет погостить у дяди и поправить здоровье. В родном ее городе была очень плохая экология. Город был промышленный, шахты и обогатительные фабрики производили выбросы в атмосферу и от того сажа была везде, она толстым слоем лежала на крышах и стенах домов. Выпавший снег быстро становился серым, его «съедала» сажа и от того снежный покров был небольшой и серый.

А в Тайшете: воздух и снег были необыкновенными, даже лечебными. Утром воздух был прозрачен, и Ленке казалось, что он струится, было свежо и легко дышать. А снег, о, это был необыкновенный снег, хрустальные россыпи искрились на солнце розовыми и голубыми оттенками, и Ленка не могла налюбоваться им. Ее детское сердечко воспринимало эту чистоту как чудо.

А проснувшись зимним утром, Ленка любила лежать в постели и разглядывать морозные узоры на оконном

стекле. Дома у нее такой красоты никогда не было, сажать не позволяла морозу рисовать, а в Тайшете был мир сказки, которую причудливо вырисовывал мороз. В морозных узорах виделись ей сказочные птицы и цветы, деревья и травы, и, глядя на эту красоту, Ленка сочиняла сказку, а потом рассказывала ее своим двоюродным брату и сестре. Сестра была младше на два года и оттого слушала сказки с интересом, а брат был ровесник и всегда насмехался над Ленкой: «Ну, придумала, нашла что рассказывать». Ленка обижалась, но быстро забывала свои обиды, потому что с братом ей было очень интересно. По характеру они оба были непоседы, любили играть на улице и не любили сидеть дома, и оба любили мерить сугробы.

Сугробы были огромными, подметенные метелями и схваченные морозом, они как причудливые барханы в пустыне, тянулись с двух сторон вдоль тайшетских улиц, местами их наметало по самую крышу домов. Снег был чистый и мягкий, и валяться в нем было одно удовольствие, а прыгать с крыши бани в сугроб было настоящим счастьем. Ощущение полета и мягкого приземления осталось в памяти на всю жизнь.

И, вот когда наступала весна, и под теплыми солнечными лучами начинали таять сугробы-барханы, талая вода собиралась повсюду. Она заполняла все низины и рытвины, морем стояла на огородах и шумно текла по улицам. Потоки воды были чистые, прозрачные

и неслись с громким шумом по кюветам, с раскатистым перекатом через мостики. Ночью мороз сковывал лужи льдом, и вода замедляла свой бег, но к полудню начинала бежать с новой силой, как будто отдохнув от вчерашних трудов.

Половодье в Тайшете было захватывающим зрелищем. В своем городе Ленка никогда не видела столько талой воды, которая имела такую захватывающую магию.

Наверное, первые люди пришли на Тайшетскую землю в сезон половодья, оттого и дали такое название своему поселению.

Валентина Кайнова

Разрешите угостить Вас шампанским

Днём в санатории жизнь кипела-бурлила. Туда-сюда сновали отдыхающие, пройдя процедуру в одном кабинете, спешили в другой. Иных, плохо ходячих, нянечки возили на каталках. На этажах техперсонал добросовестно елозил пылесосом ковровые дорожки. На лифте периодически поднимались чуть ли не доверху набитые тележки со свежим постельным бельем.

Все назначения врача Татьяна Петровна успевала пройти в первой половине дня, после обеда предпочитала часок отдохнуть, а ближе к вечеру отправлялась на прогулку с заходом в небольшие бутики.

За три дня до отъезда она озадачилась поисками подарков. Хотелось привезти из Крыма что-нибудь интересное, необычное, памятное. Дочери приобрела праздничную льняную скатерть с вышивкой и тонким

кружевом по краям, бутылка вина с многообещающим названием «Южная ночь» предназначалась зятю.

Над презентом для любимой внучки и её близкого человека пришлось поломать голову. Оба студенты, недавно стали жить вместе. У молодых свой вкус, не всегда можно угодить. Татьяна Петровна сделала выбор в пользу посуды, присмотрела оригинальные кружечки с морским пейзажем и большой набор шоколадных конфет.

Ещё купила несколько баночек травяного чая с добавлением местных сухофруктов и ягод. Коллега, а по совместительству школьная подруга – большая чаёвница, да и золовка, двоюродная сестра мужа, будет рада презенту.

День, тихий, спокойный, лениво клонился к закату. Народ, семьями, парами, с детьми, неспешно гулял по набережной. Из окон открытых кафешек доносилась музыка, вкусный, манящий запах исходил из шашлычных. В это время года массового купания не наблюдается, однако пляж никогда не пустует, всегда находятся смельчаки поплескаться в прохладных морских водах.

– Какой-то странный тип увязался за нами, в серой ветровке и беретке. Не обратили внимание?

Анна Александровна, женщина дородная, в прошлом главный бухгалтер какого-то солидного учреждения, тоже вдова, правда, бездетная. Жили они на разных этажах санатория, познакомились на

утреннем променаде, и теперь вместе проводили время. Совершив небольшой вечерний шопинг, гуляли, наслаждаясь уходящей осенью. Дышалось легко, свежий морской бриз, идущий с побережья и нагретый за день, был густо наполнен целебными ароматами редких южных растений.

– Только не оглядывайтесь. Он ещё в магазине всё время крутился возле вас.

Татьяна Петровна обернулась, мужчина сделал что-то вроде приветствия рукой, и улыбнулся.

Явно желает познакомиться, курортные романы – явление обычное, хотя мог бы подыскать моложе. Вокруг столько скушающих дам разных возрастов и комплекций в поиске приключений.

Незнакомец настойчиво продолжал их преследовать.

– Татьяна! – окликнул он, когда они уже заходили на территорию санатория.

Приятная внешность, не броско, но прилично одет, через плечо барсетка. Лицо загорелое, а брови выцветшие. Скорее всего, пенсионного возраста.

– Не узнаешь? Бобруйск... Ты меня ещё звала Николай в квадрате...

Пауза затянулась, он то ли растерялся, то ли не знал, с чего начать. Татьяна удивлённо пожала плечами.

Говорил он сумбурно, волнуясь, перескакивая с одного эпизода давно ушедшей молодости на другой.

Тогда, отслужив три года на флоте, он устроился в строительную компанию. Готовили к сдаче детский сад, и как-то к ним пожаловали чуть ли не всем коллективом во главе с заведующей будущие сотрудники нового детского учреждения. И он на правах бригадира провёл экскурсию. Женщины радостно осматривали помещения, громко рассуждали, где лучше устроить ясельную группу, игровую комнату. Вот там он высмотрел Татьяну, новоиспечённую выпускницу педучилища. И закрутилась-завертелась любовь: свидания под луной, кино, танцы-обжиманцы.

Только появлялся в общежитии, вахтёр кричала: «Передайте Танюхе, к ней моряк нарисовался с цветами». И всё любопытничала: когда квартиру дадут, сразу поженятся?

Зарабатывал он неплохо, иногда мог пригласить в кафе Татьяну вместе с девчонками, шутливо добавлял, «на откорм». Подруги, постоянно сидевшие на макаронах и жареной картошке, насытившись салатов и мяса до пуза, бросали косые взгляды в сторону Николая, посмеивались:

– Смотри, Тань, парень надёжный, если откажешься, мы его быстро пристроим.

Декабрь – месяц суетливый, конец года, план горит, начальство торопит. Николай буквально сутками пропадал на работе. Забежит, измотанный и усталый, вечером на часок в общежитие, уединятся они в красном уголке, и насмотреться друг на друга не могут.

– Как голубки, – скажет комендантша, – повезло нашей детдомовке.

В самый канун Нового года, никому, ничего не объясняя, Татьяна собрала вещи и уехала. Через неделю прислала телеграмму с просьбой уволить по собственному желанию и адресом, куда переслать трудовую книжку...

Николай Николаевич задумчиво вынул из кармана сигареты, долго мял в руках. Закурил, и, отмахивая дым от женщин, пристроился у высокой, толстой, с веерными листьями пальмы.

Неподалеку в беседке, увитой плющом, отдыхала семейная пара, супруги приехали недавно, и постоянно ходят вместе.

– Оказывается, вы давно знакомы, – Анна Александровна бросил любопытный взгляд на Татьяну.

– Вы всё не так поняли.

Осторожно, поддерживая друг друга, засеменила семейная пара. Аллея опустела, люди потянулись к главному корпусу санатория. Приближалось время ужина.

– И я пойду, мне ещё лекарства пить, – шепнула Анна. – И чуть громче: – Доброго вечера, Николай Николаевич.

Чудесно пахло эвкалиптами. Уникальное, экологически чистое место на всём побережье, дочь с зятем купили путёвку и чуть ли не насильно отправили Татьяну Петровну отдыхать.

– Я тебя долго искал, и в деревню твою ездил, и в интернате был. Что случилось, почему убежала? Куда? Зачем? Так ничего не понял, трещина в душе осталась...

Ей бы сразу вежливо прервать собеседника, повести разговор в другое русло, но показалось некорректным, нетактичным, упустила нужный момент, и сейчас подыскивала слова, как, не обидев человека, достойно выйти из щекотливой ситуации.

Николай Николаевич по-своему понял её молчание, благородно пытался оправдать:

– Наверное, не всегда можно найти объяснения своим поступкам. – Он как-то обмяк, уже не было той уверенности, раскрепощённости, с которой преследовал женщин. – Через пару лет завербовался на север, потом был Дальний восток. Женился поздно. Старший сын живёт за границей, младший, инженер-геодезист, с семьёй мотается по сибирским стройкам.

...В тот вечер Татьяна Петровна долго не могла уснуть. Ворочалась, испытывая какой-то непонятный дискомфорт, в соседней палате работал телевизор, с улицы доносились негромкие голоса, а потом запели. Она никогда не была в малоизвестном Бобруйске, но отчего её так задела запутанная история про тётку, тронула сердце. Вот она, любовь, не книжная, настоящая. Десятилетия минули, а чувства не угасли, не остыли, не расплескались.

Короткие часы чужого счастья разбередили душу. А ей, Татьяне, особо и вспомнить нечего. Только

окончила школу, а осенью к ним в колхоз пожаловал десант водителей, и по окончании полевых работ тот, что бойчее, схватил её в охапку и в город. Училась заочно, ездила с маленькой дочкой на сессии. Муж время от времени уходил в непродолжительные запои, на работе знали о его «русской слабости», добытых женой незаконным путём больничных листов, но прощали, потому что специалист он был грамотный и руководитель толковый. Как-то на автобусной остановке к ней подплыла расфуфыренная мадам:

– Мне нравится ваш супруг.

Вечером муж падал на колени, божился-крестился в верности и преданности, тут же из деревни прикатила свекровь с солениями-варениями, к ней присоединилась золовка, и все трое долго обрабатывали Татьяну. Как она могла подумать об измене, когда он семью любит, всё в дом, дорос до главного инженера. На вид здоровый и крепкий, ещё не старый, но болезнь скрутила мужика за считанные месяцы, сказались пристрастия к алкоголю.

Татьяна смирилась, что жизнь – быстроходная река, только села в лодку, пару-тройку раз вёслами взмахнула, – всё, приплыли, пора на выход, высокие чувства обошли её стороной. Чуть взгрустнула, жалея себя.

Несмотря на беспокойную ночь, проснулась она в бодром здравии. Правда, чувствовала себя немного неловко, но это временное явление, и вышеупомянутый

персонаж мужского рода, так откровенно поведавший о личных переживаниях в кругу посторонних людей, наверняка уже занят другими заботами. Каково же было удивление, когда после процедур глазастая Анна Александровна многозначительно намекнула:

– Старые дрожжи заиграли, Николай Николаевич чуть ли не с утра оккупировал скамейку.

Едва они появились, он с распахнутыми руками двинулся им навстречу, будто и не было вчерашнего мучительного разговора:

– Дамы, приглашаю вас на экскурсию по цветным музыкальным фонтанам. Это обязательно нужно посмотреть!

Зрелище, действительно, потрясающее, особенно в тёмное время суток. И рассказчиком он оказался интересным, не утомил своими познаниями, чем иногда грешат назойливые гиды. Категорически заявил, что отказ на предложение отведать местный шашлык не принимается, и, подхватив женщин, балагурия повёл в кафе.

– А завтра мы едем в дендрарий. Будьте готовы, ходить придётся много.

Анна Александровна сразу отказалась из тактичных соображений, дав им возможность побыть вдвоём.

Они долго бродили по живописной длинной аллее кипарисов, высаженной стеной, близко друг к другу, любимое место посетителей для фотосессий.

Остановились у большого пруда с декоративными рыбками и водными растениями. Надеялись покормить белок, частенько свободно здесь разгуливающих, но не повезло.

Николай пообещал организовать прогулку на теплоходе, если, конечно, она не возражает. Он пребывал в прекрасном настроении.

– Я завтра уезжаю.

Шли в тишине, задумчиво, это как раз тот случай, когда молчание красноречивее всяких слов.

– Здесь проходит два поезда с небольшим интервалом, с прицепными вагонами на Урал. Ты билет взяла на ранний?

Женщина поспешно кивнула и для убедительности добавила:

– Четвёртый вагон.

От санатория до вокзала курсировал специальный микроавтобус, Татьяна Петровна приехала загодя. Она не из тех, кто буквально в последние минуты, сломя голову, запыхавшись, несётся по перрону с чемоданами и авоськами, да ещё таща за собой ворчливого мужа и плачущих детей.

Походила-побродила по привокзальной площади, заглянула в небольшой ларёк и взяла несколько гроздьев черного, крупного винограда «изабелла». Поднялась на высокий виадук над железной дорогой, откуда открывается лучший

панорамный вид маленького прибрежного курортного городка с кипящей жизнью круглые сутки.

Только собралась спуститься, как объявили о прибытии дневного поезда. Среди суеты, шума, громогласных прощаний увидела знакомую беретку. Николай что-то долго объяснял проводнице, потом быстро метнулся к соседнему вагону.

Поезд ушёл, и мужчина ещё некоторое время блуждал по перрону, что-то приобрёл в газетном киоске.

В помещение вокзала Татьяна заходить не стала, решила ещё немного погулять, благо временем располагала.

Николай Николаевич одиноко сидел на лавочке под низкорослой лианой, и делал вид глубокого погружения в прессу. Однако он заметил Татьяну, но продолжал читать. Скрываться было неудобно, Татьяна Петровна аккуратно присела рядом.

– Извините, не хотела обидеть... Я... не ваша Татьяна.

– Я это понял в первый вечер, – Николай Николаевич аккуратно сложил газету.

Скучали таксисты в ожидании пассажиров, высматривала новых покупателей продавщица мороженого. Молчание затянулось до неприличия долго.

– Разрешите в знак примирения угостить вас шампанским! Здесь недалеко есть уютный бар.

Прямо над центральным входом в вокзал висели огромные круглые часы с крупными стрелками. Николай Николаевич перехватил взгляд Татьяны:

– Да у нас уйма времени! Можно напиться, уехать и вернуться назад!

Шампанского не оказалось, игристое, бардового цвета вино, терпкое, прохладное, напоминало вкус недоспелой вишни.

– Татьяна, приезжайте ко мне, ну, что вам делать в холодном заснеженном зауралье? У меня здесь квартира, жена ушла три года назад, дети бывают не часто. – Он говорил быстро, торопился, боялся упустить самые важные слова. – Я однажды одну Татьяну проглядел, теперь не хочу потерять вас.

Это было так неожиданно, что женщина растерялась. В больших шарообразных бокалах дышало вино, источая тонкий нежный аромат.

Он занёс вещи в купе, поставил пакет с виноградом, чуть приобнял Татьяну за плечи:

– Приезжайте, мы оба этого хотим...Я буду ждать.

Она мягко улыбалась:

– Я приеду, приеду...

Июль-август, 2025 год.

Денис Монахов

Посторонний в деревне. Чужеземка

Глухая деревня. Наше время. Солнце в зените.

Мы не знали, бояться нам или нет. Несколько ребят стали сопеть, а позже и плакать: кто от страха, а кто из жалости к растеряше.

– Мне нужна помощь! Откройте! – сказала девушка, немного повысив голос и постучав сильнее обычного...

После череды неудачных попыток незнакомка отошла от двери и торопливо направилась в другой дом. Действия были те же.

– Не врал нам, всё-таки. Пришла, деловито... – шёпотом произнёс Знахарь, смотря вдаль. – Ждём, дети,

ждём. Амулеты не опускаем, – и вновь он заговорил на своём. Мы сжали предметы в руках покрепче.

Персона подобрала с земли, возможно, камень, после чего подбросила его и снова подошла к нам.

– Отойдите от окна! Быстро! – крикнул на нас Старший, стукнув своей тростью. Мы же отпрянули, как ошпаренные.

Не успели дети спохватиться, как вместе с осколками камень уже лежал на полу. На улице кто-то громко и протяжно кричал:

– Эй, фурия! Что ты забыла в столь глухом месте? В этом захолустье? – Это был звонкий, высокий и картавый голос.

– Как ты меня назвал? – Девушка же, наоборот, говорила тише, да настолько, что мы вслушивались. Стали смотреть в другое целое окно. – Опять?

Парень лет двадцати стоял в нескольких метрах от девушки. Горбился, улыбался и, в конце концов, кряхтя, что называется, присел на корточки:

– Так подожди же, я тебя знаю! – Воскликнул он. Выставив руку вперёд, парень переменялся в голосе. – Сколько лет, "чернушка"! А я и подумать не мог, что буду мстить тебе у себя на Родине. Я знаю, зачем ты здесь, а я тут, чтобы помешать тебе в этом. Давай ты не

будешь трогать всех этих деревенщин, а я просто сдам тебя кому-нибудь... Кому надо!

Я не смог расслышать девушку. Пожалуй, никто не смог, кроме пришедшего:

– Попал под что? Горячую руку? Да ты хоть знаешь, где я торчал из-за вас! Сколько лет я отсидел там, чем положено?! - парень встал, поправил футболку, отряхнул шорты от песка кулаками. Быстрым шагом приблизился к ней. – Да я вообще не должен был там находиться!

Я мысленно представлял себя на месте того парня. Как я подхожу к девушке решительным шагом, провожу рукой и появляется серо-жёлтое облако дыма, нет... это была горсть песка. В своих руках тот парень прятал песок и в нужный момент выбросил его в лицо своему... «А кто она ему?».

Небо постепенно темнело, меняя яркие голубые тона на грязно-серые. Облаков, почему-то, не было. Девушка визжала, потирая глаза:

– Придурочный! – наш «спаситель», как бы выразился человек в мантии, уверенно обошёл девушку и с силой положил руки на плечи, после чего поднёс голову к уху...

Я повернулся к Знахарю:

– Дядь, но ведь девушек нельзя обижать, так ведь?
– спросил я, но сам не понимал, какого ответа хотел услышать.

Старик долго молчал, не отрывая взгляд от происходящего на площади, попутно перебирая подвешенные камни на поясе.

– Порою, даже священники берут в руки оружие, чтобы защитить свой народ. Правда, не понимаю я, кто этот малец.

Я вернулся к окну. Девушка в руках держала топор. «Когда успела?»

– Да что бы я..! – не унимался парень в странных потёртых шортах. – И ведь здесь опять виноват я! Ты пришла сюда искать очередную жертву. Травить! Пичкать своими... – парнишка замолк, приставил пальцы к глазам, вдохнул и засмеялся. Смех был неприятен. На свой слух он казался мне слишком диким или даже скорее злобным. Когда его голос стих, он продолжил. – Кто этот бедолага? Сверстник хоть? Или ты любишь мужчин по старше? Все эти люди живут здесь, не зная проблем, помогают друг другу, в кровь и пот стараются, чтобы сделать каждого жильца счастливыми... – парень, делая медленные шаги, кружил девушку. – И стоишь ты здесь, старая, с топором, не стесняясь зарубить меня прилюдно? Как иронично.

– Заткнись! – Её голос дрогнул. – Ты ведь ни черта не знаешь!

– Давай, рискни...: – Парень выставил челюсть вперёд созывая руками. – Ведьма.

Странная девушка, пришедшая к нам явно не с добрыми намерениями, набросилась на человека. Безоружного человека. В голове вертелось много версий, почему она так «спокойно» ринулась, намереваясь убить. Однако не менее странный парниша не отступал. Наоборот, он, попав под лезвие топора, побежал навстречу. Толкнул свою вражину в грудь плечом, от чего неприятель упал на землю. Неизвестный устоял на ногах:

– Слабо. Слишком слабо! Тебе известно, где я сидел и сколько отбывал! Сухие земли! Двенадцать, мать их, лет!

Не ждав окончания монолога, девушка схватила рукоять и отбросила лезвие в сторону соперника. Было видно, как парня задело топором. Сунув руку за пазуху и направив какой-то предмет прямо на девушку, прозвучал выстрел, подобно ружью. Звук оказался на удивление громким, и несколько птиц с деревьев поднялись в воздух.

– Пшла от сюда! – он заревел, не опуская правую руку. Левой же он резко схватился за плечо...

«...Не попал. Пожалел», – подумал я. Сперва девушка медлила, попутно что-то говоря своему противнику. После того, как ступила на траву, резко развернулась и побежала прочь. Мы, в частности дети, не решались выходить на улицу, как и люди из ближайших изб.

– Ну и где овации? Я зря спасал вас от этой истерички? Или вы ствола боитесь? – парниша снова стал смеяться, убрав оружие из рук. Усадьба немного закрипела. На порог вышел Старшина деревни:

– Ты тот самый юноша? – спросил он.

– Кто? Я?

После слов Главы не сразу, но понемногу, сельчане выходили из домов. Приближались. Детям Знахарь наказал оставаться на месте.

– Старик, ты главный что ли? – манера общения у парня была своеобразная, даже немного дерзкая, неопрятная. «А я думал, он так общается только со своими недругами».

– ...Ведь тебя послал незнакомец в чёрных одеяниях? Откуда сам будешь?

– Какой незнакомец? Чёрный? Дед, да ты бредишь, походу. Здесь как-то матушка моя жила. Я и вместе с ней. Малой был тогда. По памяти притопал сюда из... Домой я вернулся, в общем!

– Мы отрешены от Нового мира, грешит он много. Не видали мы раньше тебя. Жил, может, только вот не помню я. Имя твоё как будет?

Парень снова захохотал, после чего искривился в лице, упав на колени. Никто не осмеливался подходить.

– Так не пойдёт никуда. Нет у меня имени. Погоняло только, – парень, одетый в шорты, поднял голову и устремился в глаза Старшине. – Кольщик я.

Взрослые разговорились. Моя мама нашла меня в усадьбе, всё так же у разбитого окна. Повела меня ко всем.

– Ты знаешь эту девицу? – робко спросила тётка.

– Типа того, - ответил он. – Скажем, знакомы были. Теперь она меня вспомнила. Может быть, я и спугнул её, но на эту особу это совсем не похоже. Обычно она добивается своего.

К пареньку подошёл Знахарь:

– Дай осмотрю тебя. Больно устало ты себя ведёшь, глаза твои такие...

– Делай, что хочешь, ведун.

Лекарь взял парня за правую руку. На всю тыльную сторону кисти красовался рисунок гусиного пера, а от него мчалась хаотичная линия вдоль набухшей вены к пальцам, где скрывалась за перепонками. По

плечу же из открытой раны стекала кровь. «Всё-таки задела».

— Даже такие, как Она, знают, что родню трогать нельзя. Я заявил о своём. Только вот теперь в опасности я сам. Я, вроде как, уйти должен, пока не накликать вам бед. Я вообще в Новый Город шёл, а тут попалась. Она опасна, хотя и не показала себя вообще никак. Тряпка, ха-ха...

— Обожди, юноша. Отведите мальчика в дом Знахаря. Помогите ему зашить рану...

...Позже парнишка согласился переночевать в нашей деревне. Никто так и не мог вспомнить ни его самого, ни его матушку. На утро он бесследно исчез, оставив на кровати свежую бересту с высеченным «Спасибо» и тем самым рисунком, что был у него на кисти. После того непонятного дня никто из тех трёх людей больше не появлялся.

...Стройный мужчина средних лет, одетый в чёрную накидку, шёл посередине тропы. Дорога была ровной. Едва касаясь за руку, девочка малых лет вела практически слепого человека. Она шла впереди, мужчина же полагался на свой умеренный слух и слабое касание маленькой кисти. Шли медленно, до возвращения оставалась половина пути. На удивление мужчины, его «опора» ни разу не предложила остановиться. Было неудобно утруждать девочку,

поэтому он отсчитывал каждые двадцать минут и делал привал. Компаньон, вместо того, чтобы отдыхать, бродила вокруг в поисках ягод и необычных цветов. Вдали расстилались еле видные скалы...

...Парниша бродил по лесу в поисках заросшей дорожки, о которой говорили в его «начальной точке». Постоянно поправлял джинсовые шорты, поминутно снимал порванные сланцы и стряхивал их от скопившихся маленьких шишек. Ходил кругами, проваливался в ямы и запинался о ветви. Он словно торопился успеть до ночи. По-своему остерегался неестественных звуков, которые могла издавать вражина, поджидая его в кустах. Ругаясь на «чёртовы деревья» и «дырки» местных зверьков на всей пройденной траектории, парниша нашёл заветную тропинку. Когда начало темнеть, через запутанные хвой ёлок виднелись яркие огни фонарных столбов и рекламных розово-синих постеров. Парень, держась за стволы деревьев, широко улыбался...

Номинация «ПОЭЗИЯ»

Дарья Бабурина

ВАЗА

Что можно сделать мне с кусочка глины?
Как мне придать ему изящный вид?
Я так боюсь, что вскоре он застынет,
Не озарив сиянием этот серый мир.

Я рассуждала долго, увлечённо,
Как мне с умом потратить материал.
От всех людей держалась отстранённо,
Чтобы с решением никто не помешал.

Хотела сделать нечто я полезным,
Ну и красивым, чтобы глаз не отвести.

Для этого должно быть в каждом доме место,
Оно должно израненную душу вмиг спасти.

Я не могла решиться, это сложно!
Мне почему-то тяжело уже терпеть.
А глина между тем твердела только больше,
Мне стало жутко страшно не успеть.

Но именно тогда, в тот пик несчастья
Ты появился в моей жизни, прогнав мрак.
Сама того не замечая, стала я подвластна
Твоим идеям, мыслям и словам.

Мы стали так близки в какие-то мгновения,
Тебя я рада видеть каждый день.
И тут ко мне приходит озарение,
Я точно знаю, что я сделаю теперь.

И как же я сама не догадалась —
Мне нужно сделать вазу вот и всё.
Я отчего-то долго сомневалась,
Но ты прогнал все тучи вплоть до облаков.

Я ночью не спала, трудясь над делом.
А дни я проводила в мыслях о тебе.
Мне поскорей закончить так хотелось
И перестать перечить наконец судьбе.

В итоге завершила я творение,
И ваза вышла идеальная на вид.
Наверное, не зря терпела те мучения,
Однако, разум быть спокойной не велит.

«Она прекрасна, но чего-то не хватает» -
Послышался внезапно голос за спиной.
И сердца стук как будто затухает.
Ни с чем вовек не спутать тембр твой.

И улыбнувшись, подошёл ты к вазе
И кистью прикоснулся к ней слегка.
И стал сосуд красивей, ярче сразу,
А я без остановки всё смотрела на тебя.

И с этого мгновения стали неразлучны,
Носил мне розы точно каждый день.
И никогда нам не было с тобою скучно,
А вазу украшали то тюльпаны, то сирень.

Ты приходил ко мне довольно часто
И ставил в воду розы для меня.
И с вазы пыль стирал с энтузиазмом:
Сияла ваза, вместе с нею я.

Но, к сожалению, в мире всё не вечно,
Ты перестал захаивать порой.
Я точно знаю, как небезупречна.

А ты так идеален, дорогой.

Я каждый день ждала тебя с надеждой,
Стояла у окна, глядела на часы.
Возможно, покажусь совсем невеждой,
Но снова о тебе одном мои мечты.

Я так боялась, что случилось горе,
И потому ты время не нашёл.
А дни тянулись, также пусто в коридоре.
Розы завяли, ты всё же не пришёл.

И ваза вся в пыли, мне очень больно
Смотреть на то, что создали вдвоём.
Да лучше выкинуть её и жить спокойно,
Но что-то это сделать не даёт.

А сколько уж прошло, я и не помню.
Ты на снова на пороге у меня стоишь.
Хочу обнять, ты оттолкнул в сторонку.
Я задала вопрос, а ты молчишь.

Я посмотрела на тебя с улыбкой,
Но взгляд твой будто бы чужой.
Нет. Тут не может быть ошибки:
«Наверно, носишь розы ты другой?»

И ты кивнул в знак соглашения,

А я заплакала, сбежала со стыда.
Ты вслед мне бросил извинения,
Захлопнув дверь и кинув: «Не беда!».

И я слышала какой-то странный грохот,
Пошла проверить что же там стряслось.
Похоже, в этой странной суматохе
Ничто закончить целым не могло.

Разбита ваза, вдребезги разбита.
Обратно нам не склеить, точно нет!
И вместе с нею словно всё забыто —
Использован в один конец билет.

Осколки собирая голыми руками,
Винила я во всём свою судьбу.
И с пальцев кровь стиралась вся слезами —
Такую глину больше не найду.

И сердце раздробилось на осколки,
Любить оно не сможет никогда.
Ведь в этом просто нет уж толка —
Оно ведь хрупче вазы, вот дела.

О чём моё стихотворение? Я не знаю.
В нём смысл только тот, что вы нашли.
Я по разбитой вазе много дней сучаю,
Но не уверена: по вазе только ли?

Надежда Дегтярева

Спасибо, друг, что есть ты у меня!
Что нашей дружбе срок почти полжизни.
Подкралась старость, датами звеня,
На ухо шепчет нам: -А ну, держись-ка!
И пусть мы также молоды душой,
И на лице морщин не замечаем,
Наш путь по жизни очень не простой,
Мы боль утраты чаще отмечаем.
Смотрю на нас. Ах, где былая стать!
Как годы грузом нагибают спину!
Но бег судьбы не повернется вспять,
Азарт желаний потихоньку стынет.
Мы философски смотрим на людей,
К вещам уже спокойны и терпимы.
А наше время все бежит быстрее,
Считая жизни дни неутомимо.

А я гуляю
тихо по раю.
Смотрю на небо,
На облака.
Здесь так прекрасно,
Я это знаю.
Ну, во-общем, ладно!..
Иди. Пока!
Ой, нет! Останься.
Хоть на немного.
Зачем? Ну как же!
Поговорить!
Вон там у леса
Видна дорога.
Пройдем немножко.
Обсудим жизнь.
Здесь все в нирване.
И всем довольны.
Немножко скучно.
Не помечтать.
А я хочу
Побегать вольно.
Смеяться, прыгать
И полетать.
Придумать что-то,

Самой чтоб сделать.
Ну, дом построить,
Цветы садить.
Да, не привыкли руки
Лежать без дела.
Мне просто скучно
Без дела жить.
Там все кипело.
Куда-то мчался.
Переживал.
Любил, страдал.
То с кем смеялся,
А то-боялся.
Взлетал и падал.
Мечтал. Дерзал.
Молился Богу.
А где-ругался.
Там цель была.
Кипела жизнь.
Здесь все на блюде,
Здесь все готово.
Нектар свой кушай,
Не суетись.
Позволь мне, Боже,
Трудом заняться.
Вязать, варить.

Порисовать.
Друзей чтоб встретить
И пообщаться.
Поговорить.
И помечтать.
Чтоб цель была
У нашей жизни.
Идея, счастье.
Любовь. Мечта.
Ну, вытри слезы.
Я тоже вижу.
До встречи, Боже!
Иди! Пока!

Татьяна Кравцова

Мы – Русские!

Мы – русские, русские, русские!!!

И этим всё сказано свыше.

Душою и сердцем не узкие,

Способны делиться мы крышей.

Способны любить и смеяться, жалеть, сострадать и
ценить,

Способны дружить и влюбляться.

Умеем мы вслух говорить.

А если беда вдруг нагрянула,

Мы вместе в едином строю.

Вся наша отчизна воспрянула.

За мир, за людей, за страну.

Нам солнце и небо опора!

И, Господи, тоже нам в честь.

Мы русские люди, мы русские,

Возможно на строчках прочесть.

Своих мы людей не бросаем,
В бою не бежим от врага.
Страну мы в бою прославляем –
Сегодня, вчера и всегда!!!
Сыны своего мы отчества.
Мы подвигом дедов горды!!!
Отцов своих носим мы отчество,
Шагаем всегда впереди!
За наши поля и равнины,
За лес и поляны, луга,
За наших детей, что ранимы,
За женские руки, глаза.
За мир, за свободу и счастье,
За утренний ранний рассвет,
За друга и брата участие –
Всё это ведь РОДИНА есть!
Мы – русские этим всё сказано.
За мирное небо и дом.
Жить выше нам, русским, заказано,
Жить в мире сейчас – не потом!
Пусть недруги помнят и знают,
Что русская наша страна,
Жила и живёт, процветая.
Единственна в мире она!
Просторы её не измерить.
Нас, русских, врагам не подмять!
Мы – русские, русские, русские!!!
Злым воронам надо бы знать!!!

Ах, берёзка, зелёная павушка...

По-весеннему красива, высока, мила, стройна...
Ветерок шальной игриво приласкал её сполна.
Ветки в лево, ветки в право – веселится с ним она,
Забияка пошутил с ней и умчался в никуда...
Призадумалась бедняжка – ждёт, по ждёт
Когда опять ветер вольный к ней вернётся,
Вновь посмеет обнимать.
Ах, берёзка, зелёная павушка, красотою ни с кем не
сравнить,
Одиноко стоишь, как журавушка,
В поле чистом с душой откровенною.
Лучик солнца её ласкает, птицы весело поют...
Летний день ей обещает – гость придёт, коль его ждут.
Я смотрю на ту картину, слёзы капают, слезинки.
Надо просто это видеть!
Кто ж посмел её обидеть? Что же это за урок?
С ранки капает ведь сок... течёт стрункою, сочится.
Это – явь? Иль сон мне снится?
Дунул ветер, ветерок и вновь умчался на утёк.
Мне так жаль красу-берёзку, жаль её и её слёзы.

Мы – Россияне

Мы немного хотим
И не мало нам надо!
Только б солнце светило

И никогда не пропало.
Чтобы дети и внуки
Жили жизнью простою
Без слёз и разлуки,
Без обмана и лести.
Что б мир нам сиял —
Ни для славы — для чести!
Давайте все вместе
В едином строю
Ответим все хором
За отчизну свою!
Мы прошлым гордимся
И помним все беды.
Отцы, братьовья, матери, деды
За нашу свободную жизнь погибали.
Себя не жалея, страну прославь —
Чем хуже скажите, мы Россияне?
Душою и сердцем сегодня мы с вами!
Нельзя допустить чтобы мир был разрушен.
Нельзя всё разрушить,
Ведь мир всем так нужен!

Если ты молод, красив и умён.

Молодым мой свет-совет —
Не спеши бурчать в ответ,
Не спеши, подумай, в прок —
Это важно — твой урок!

Шар земной нам не обнять,
Годы тоже не унять.
Так прими совет простой,
Поразмысли головой.
Свежий воздух чуть вдохни,
Руки к жизни протяни.
Если ты молод, красив и умён.
Если полна всем, что есть одарён!
Будь благодарен родным и судьбе –
Они, эти блага, дали тебе.
Солнечный лучик впусти в своё сердце,
Душу согреет тебе он сполна,
Жизнь ведь бывает, не только лишь с перцем,
Желанной и сладкой бывает она.
Сегодня удача прошла стороною,
Ненастье настигло и нет больше сил.
Я окна и двери настежь открою,
И вожжи спущу натянувших удил.
Дни жизни бегут, им нет остановки,
Вновь солнышко шлёт всем людям тепло.
Надо любить не только обновки,
Надо ценить, что судьбою дано!
Есть просто удача, есть и невзгоды,
Есть мрачные дни плохой лишь погоды.
Поверь мне, что там впереди светлые дни,
Не спеши, погоди, жизни тропка далека.
Сделай шаг и сделай два,
Жизнь поманит и тогда –

Ты откройся просто свету,
Вспомни лишь одну примету –
Солнце светит, шлёт тепло,
Значит в жизни повезло!
А солнечный луч,
Вновь в окошко заглянет,
Теплом нас согреет и спутником станет...

Анна Баженова

мы засели в окопе. холодно.
стало тихо. пули свистеть перестали.
я достал из кармана махорку. после боя пахла
особенно.
закурили. вздохнув, замолчали.

когда вовсе стемнело и немцы ушли,
был приказ: «отправляться в землянку».
мы не шли. ноги сами за ротой вели.

ночь катилась. мы пели «Смуглянку».

добрались. все отправились спать.
он остался на улице тёмной.
поднял к звёздам глаза. снова вспомнил про мать,
про то лето и домик укромный.

он смотрел на луну, я — в седые глаза.
он молчал. и я молчал тоже.
лёгкий ветер подул и скатилась слеза
по его тёмно-серой коже.

«с деревушки я родом - погода, начал он, -
всё, что есть у меня - это мама.
уже год здесь, а снится всегда один сон:
что пришла от неё телеграмма.

был друг детства. всю жизнь был к плечу,
но война... рассудила иначе.
он сердился смешно. злится — я хохочу...», —
и зажмурил глаза в тихом плаче.

«летом тем нас война забрала.
его голос я помню бодрящий:
«пулемёт ведь недавно из дерева был,
а теперь, посмотри, настоящий!».

духом падать не мог. не умел, может быть.
от унынья всегда он спасал.
и не знал я тогда, как умею любить,

хотя жизнь с ним вдвоём прошагал...

помню день тот. повздорили мы.
а тут бой. мы впервые не вместе.
суровой не знаю теперь я зимы
от пришедшей в ту ночь мне вести.

так хотел бы сказать, как любил я его,
любил смех его, шутки не к месту,
как с ним даже в окопе мне было тепло,
как сейчас не хватает протестов».

«Слушай, помнишь?»

слушай,
помнишь, мечтали стать взрослыми?
мечтали стать лучше, достигнуть высот.
слушай, помнишь, нам говорили: «хватит глупостей,
будьте серьёзными».
мы пытались. выходило всё наоборот.

помнишь смех, пузыри и лето?
помнишь яркий от мела асфальт?
как в мафоне поёт кассета,
как игрушки на полке стоят?

как гуляешь ты до заката,
как боишься зайти за водой,
как толпою зовут ребята,

если вдруг запустили домой,

как ты плачешь, содрав коленки,
как смеёшься, упав в кусты,
как листы принимаешь за деньги,
как пугаешься темноты?

помнишь, да? и я помню тоже
те мечты и тот блеск в глазах.
помню, что нас спасало от дрожи
одеялко в цветных лоскутах.

помню, солнце светило иначе,
заливая оранжевым светом
гроздь ягоды на летней даче,
пробегая по ярким браслетам.

помню запах черёмухи сладкой,
пирога, что мама пекла.
помню, как относили в кровать,
если спать не туда легла.

помню свет огоньков бенгальских
и подарки от Деда Мороза,
шубу тёплую на февральских,
за которой не видно носа.

помню солнце, цветы и панамку,
и безумно страшных жуков.
помню, как катал папа на санках,

и фигурки из облаков.

как потом закружила школа
в танце бантов и кружеев.
там узнала о свойствах глагола,
о поэтах известных стихов.

помнишь парту, рюкзак не по росту,
пропись, осень и первый фингал?
как учиться казалось непросто
и как папа за двойку ругал?

помнишь наши смешные записки
и суровый учителя взгляд,
перемены и громкие визги,
сладких булочек аромат?

как с тобою урок прогуляли,
как потом от стыда краснели,
как болтали и хохотали
и как быстро летели недели.

как любили, смеялись, игрались,
и как искры летели из глаз.

наше детство за партой осталось,
когда мы покидали класс.

наше детство осталось с игрушками,
рядом с ними, на полке, спать.

оно на нос легло веснушками,
чтобы чаще нам напоминать

о смешных беззаботных мгновеньях,
о нелепых ошибках своих
и о том, как напрасны волненья
из-за трудностей бытовых.

чтобы помнили лучшее время,
когда дома родители ждут,
когда вовсе не страшно бремя,
потому что они берегут.

наше детство осталось на улочке,
на песке, на большой карусели
и в деревне у милой бабулечки,
в ярких красках большой акварели.

и наш смех ещё помнит школа:
коридоры, спортивный зал,
двор и сетка для волейбола,
парта, мел и серьёзный журнал.

никогда не забудет учитель,
как росли на его глазах.
он для нас был путеводитель
и навечно остался в сердцах.

я всё помню. ты помнишь тоже.
и давай никогда не забудем

наше детство и дрожь по коже,
когда с ним мы прощаться будем.

и давай мы в душе сохраним
хоть частичку того ребёнка,
что тепло дарит даже чужим,
что смеётся не для фотоплёнки.

что живёт, не боясь ошибок,
и что любит за просто так,
что совсем не жалеет улыбок,
что в тени для людей — маяк.

давай громче смеяться, сильнее любить
и серьёзность давай долой!
просто вспомни, как важно жить,
пока ты ещё молодой.

Руфина Гераськина

Сон

Ангел во сне ко мне приходил,
Ангел во сне мне тихо говорил.
Что же душа твоя мечется?
Ты успокойся, ведь ты не одна.

Я каждый день с тобой рядом иду,
Я каждый день с тобой говорю –
Пением птиц и рассветом дня,
Улыбкой прохожих – прошу услышь меня.

Ты посмотри, как прекрасен закат,
Ты услышь смех счастливый ребят.
Всё тебе в этом мире дано,
Но ты словно спишь, и тебе всё равно.

И ты бежишь в суете хлопот,
И каждый день твой полон забот.
Нужно много денег иметь,
Нужно много-много успеть.

Я Ангел твой и знаю – наступит день,
Когда ты пройдёшь ещё одну ступень.
Станешь своей душой понимать –
Истину и ложь – начнёшь различать.

Вдруг время жизни замедлит ход,
Не важен станет дел круговорот.
Не стоит всю жизнь суете отдавать.
Ты цену свободы станешь понимать.

Лето, 2018 года.

Валентина Низовцева

Последний закат

*Посвящается Степанову Евгению,
бойцу СВО.*

Какое поле огромное
Сколько солдат полегло.
Солнце палит знойное
И не щадит никого.

Закрыв глаза и раскинув руки
Средь этих погибших ребят,
Лежу я, страдая в муках,
Встречая последний закат.

Мама, отец, бабуля и дед
И близкая наша родня,
Прошу вас не плачьте сегодня,

А лучше по дольше вспоминайте меня.

Я вас очень любил и знал,
Что вы для меня надёжный тыл
И в этот последний час
Скажу: – Я о вас не забыл.

И Родину защищать пошёл
Потому, что вы связаны с ней.
Так хочется вас обнять,
Но сил уже больше нет.

Одного лишь прошу, вспоминайте меня,
Гордитесь внуком и сыном своим.
Я за Родину жизнь отдал,
Чтоб землю свою не отдать в лапы им.

Им жестоким садистам,
Продавшим самих себя.
Этим проклятым фашистам
От злобы на всех шипя.

Но наш народ не сдаётся,
А я частичка его.
Пощады враг не дождётся
Мы победим его.

Прощайте, мои родные, любимые,

В последний раз говорю.
Простите, если обидел вас,
Я всё равно всех люблю.

А солнце скрылось за полем,
Звёздное небо в глаза,
Над полем большое горе...
Из глаз покатилась слеза.

2024 год.

Ленинград

А за окном метель, пурга
И тоска опустившегося сада.
Вой ракет и вспышки огня,
Мы в блокаде живём Ленинграда.

За водой идти нет уж сил,
Крошки хлеба со стола собираю.
Вот уж сотый день наступил,
Как в осаде живём Ленинграда.

Утром снова идти на завод,
И трудится опять до заката.
Сколько сразу навалилось забот,
Чтоб врага победить проклятого.

Паёк хлеба размером с ладошку

И хрустит на зубах глина.
Пули свистят за картонным окошkam,
Где-то рядом упала мина.

Но в груди нашей теплится вера,
Что врага всё равно разобьём.
Ленинград, мы в тебя свято верим,
Потерпи, и мы гимны Победы споём.

И не скоро ещё позабудем
Те лишения, что с тобой пронесли.
Вспоминать всех погибших будем,
Что в блокаду от нас ушли.

А за наши минуты страданья
Враг постылый ответит сполна.
Ленинград возродится прекрасней
И ещё простоит на века.

Январь, 2023 год.

Татьяна Тарасова

А сильных не любят

А сильных не любят, они не удобны,
Не плачут наглядно, не строят мосты.
Отчасти стенам нерушимым подобны,
Держащим неведомой силой кресты.

Они книжным полкам сродни самым прочным,
Хранят в своей памяти тысячи фраз,
Холёно-слащавых с эффектом побочным,
Что горечью суть превращает в сарказм.

Под музыку сильных никто не танцует,
Не льётся она звуковой волной,
От сердца поёт, нежно душу врачует,
Бинтуя ожоги неслышной мольбой.

Они не удобны, не служат кумирам,
И их постулаты давно не в чести,
Не бьются о лбы с искалеченным миром
За право быть сильным и сильным уйти.

Чрез призму времени

Ноябрь ушёл...
Мир облачён в прозрачное сиянье,
Сквозь призму времени цветное стало белым.
Без гнёта чар янтарного влиянья
Природа стала удивительно несмелой.

Природа пала...
Лишь остался отблеск злата
На вѣтвях, удержавших жухлый лист,
Былая страсть, свернувшись снежной ватой,
Укрылась за мерцанием кулис.

Застыло время...
Средь морозно-белой массы,
Испытывая свой иммунитет,
Калейдоскопа стёклышком цветастым
Кричаще заявляется рассвет.

Ноябрь ушёл...
И путь пронизан далью,
Пропитан непорочно-новым днём.
Зима, забрав тепло, вернётся в шар хрустальный,
Чтоб вылиться весной цветным дождём.

А возраст не ретро

А возраст не ретро.
Не в зеркале дело,
И даже не в щедрых
Морщинках по телу.

В нём нет шагомера,
А только дороги,
Пройдя по которым
Замедлились ноги.

Все ранее важное
Сделалось прочим,
И планы бумажные
Порваны в клочья.

Короткими стали
Желаний записки,
Престиж обменяли
На гордость за близких.

И новые ветры
Теперь по погоде.
Ведь возраст не ретро,
Он всё ещё в моде.

Мне нравится с тобою помолчать

Мне нравится с тобою помолчать,
Когда закат задёргивает шторы,
В часы, когда не хочется вещать,
Когда не в толк любые разговоры.

Мне нравится с тобою говорить
Лишь взглядом. Ты меня читаешь.
Тебе не нужно мой язык учить,
Ты его с первой нашей встречи знаешь.

Мне нравится с тобой наедине
Таинственно сердцами улыбнуться
И, оставаясь в редкой тишине,
В богатство мыслей плавно окунуться.

Мне нравится с тобою не спешить,
У вечеров часов не занимать,
Мне нравится с тобою просто быть,
Я счастлива с тобою помолчать...

Отчего так мало об отцах

Отчего так мало об отцах?
Почему столь редки им поклоны?
Разве не храним в своих сердцах
Мы их, словно ценные иконы?

Почему так мало их в стихах?
Ведь они преддверье каждой строчки!
Не опишешь их и в трёх томах,
Эпилогом не поставишь точку.

Их касанье нежностью сердец
Освещает, словно огонёчки.
Он для сына навсегда отец,
Папочка для ба́лованной дочки.

В трудные минуты – талисман,
Даже когда нет его уж рядом.
Внешне лев! В душе – простой пацан,
Только с острым соколиным взглядом.

В наших скромно прячется сердцах
Их престиж, что с детства почитаем.
Бесконечно можно об отцах.
Разве мало мы по ним скучаем...

Детство – это мама

Когда вечер мазками раскрасит закат,
И уставшее солнце упрячет в тайник,
Я закрою глаза и без ложных преград
В своё детство с разбега нырну хоть на миг.

Вот я дома и в угол кидаю портфель,
А из кухни уж пахнет вкуснейшим обедом,
Я как будто устала. Валюсь на постель
И с ленивым котом зарываюсь под пледом.

Входит мама, и с верой, что спит ученик,
Улыбаясь, дневник у портфеля находит,
И, с предательской двойкой встречаясь на миг,
Покачивая головой, также тихо выходит.

Ни упрёка, ни слёз в её чистых глазах,
Смотрит так, словно светом своим обнимает,
Но я знаю, что слёзы скрывая в словах,
Всё простила давно, как обычно прощает.

Там, где мама, там хочется горы свернуть,
Там и падать не страшно, соломка готова,
Жаль, что детство уже никогда не вернуть,
Но я буду нырять в него снова и снова...

**Татьяна Саввенко
(Savvtan)**

Пылает Курск

Земля объята, красным заревом дымит,
Под Курском СВО идет,
Эвакуация людей, неразбериха, крик.
Сплотился воедино наш народ.

Деды проснитесь, снова Курск пылает,
Нацисты вешают и женщин, и детей.
Вам ли не знать, всех этих злодеяний,
Воюют с нами внуки палачей.

Объединилась против нас Европа,
И нас ракетами решили запугать.
Вы нас пугали в сорок первом,
Вам все вернулось, бумерангом «Вашу мать!»

Сынки России, вставайте на Защиту!
Вас ваша Родина зовет опять.
«Кто если не вы?» Сыны России,
Страну свою пойдете Защищать.

Припомните вы им, дедов погибших,
Москву, Калинин, Ржев, Белград,
Смоленск, Ростов и Белоруссию родную,
И геноцид за стенках, Ленинград.

По всей земле уже Мемориалы,
Герои СВО застывшие стоят,
Седые матери оплакивают раны,
И церкви перезвоны голосят.

18.09.2025 год.

Победа будет!

Огонь и дым, и ничего вокруг,
Лишь автоматы строчку выбивают.
На СВО отряд штурмовиков,
Нацистов ярых вышибают.

Разрушены дома и крыши покосились,
Забор упал, когда граната взорвалась,
И собачонка за крыльцо забилась,

От ужаса, так выла и рвалась.

Зачистили массивы у Бессайловки.
Закрыто небо, атака дронами, и визг.
Россия движется вперед! воюет ловко,
С Торецка, с Лемана Красного, Петровка.

И стяг Российский, ребята поднимают,
Победа будет, Слава Армии родной.
Вот если бы вы знали, как она дается?
Победа наша, и какой ценой?

Идут в Россию опять похоронки,
И снова матери хоронят сыновей,
Они погибли мужественно, стойко.
Защитники, сыны родные, родины своей.

16.07.2025 год

Рустам Тураев

Нейтральный флаг

Пот стекает с волос,
По спине и груди,
Изнурительный кросс,
Наконец позади.

Только на волевых,
Темп высокий держать,
В мышцах чувств болевых,
Не заметив, бежать.

Бег секунд обогнать,
Элемент докрутить,
Вес рекордный поднять,
В ринге всех победить.

И не видя преград,
У себя на пути,
Ради высших наград,
Стиснув зубы, идти.

Превозмочь, дотерпеть,
И все силы отдать,
Поборовшись, суметь,
Лучшим всё-таки стать.

Под тобой пьедестал,
И медаль на груди,
Чемпионом ты стал,
Трудный путь позади.
Тренировки, режим,
Дисциплина и труд,
Первым быть заслужил,
И по праву ты тут.

Но, мечтаешь достать,
Олимпийских высот,
Только нужно предать,
Свой, при этом народ.

Герба нет, гимна нет,
Нет и флага страны,

Что ж, надень белый цвет,
И не чувствуй вины.

Иль гражданство прими,
Зарубежных держав,
И отчизну клейми,
Русь агрессор сказав.

Оберни крепкий стан,
В прапор новых цветов,
Честь теперь новых стран,
Защищать ты готов.

Оправдать, осуждать,
Тут найдётся кому,
Каждый прав выбирать,
Что дороже ему.
Вне политики спорт,
Не поспоришь друзья,
Но Россия позор,
Допускать их нельзя.

Цели, смыслы, пути,
Судьбы, всё на весах,
И какой крест нести,
Видят на небесах.

Совесть вычистил ты
И себя обелил,
За собой сжёг мосты,
Твёрдо всем заявил.

Долго к этому шёл,
Спорту жизнь посветил,
Остальное отмёл,
Бога в мыслях молил.

Пусть меня не поймут,
Быть нейтральным решил.
Но, увы, не дадут,
Потому, что грешил.

Виноват интернет,
Даже годы спустя,
Оставляет свой след,
Так бездушно вредя.
С днём Победы ведь ты,
Всех всегда поздравлял,
И повсюду посты,
Напоказ выставлял.

Вот, цветы возложил,
У святого огня,

Ты отчизне служил,
И присягу принял.

И пока пацаны,
Свои жизни кладут,
Вы же флага страны,
Все стесняетесь тут.

Утром, ночью и днём,
Землю кровью полив,
Под смертельным огнём,
Бьют врага, оттеснив

Каждый метр ползком,
Под зловеший свист пуль,
Давят танки с крестом,
Жгут в ответ их под нуль.

Роем дроны кружат,
Бьют один, за одним,
И металлом визжа,
Целят жалом своим.
Всё осколки секут,
Сея хаос и страх,
Взрывы мин там, и тут,
Смерть друзей на руках.

Только русских солдат,
Этим не запугать,
В руки взяв автомат,
Их удел побеждать!

Кто на Русь приходил,
Покорить, чтоб её,
Смерть свою находил,
Рвали их вороньё.

Сёла и города,
Где стрелял каждый двор,
Гордо там навсегда,
Реет наш триколор!

И разбит будет враг,
Мы опять победим,
Завернёмся в наш флаг,
Под торжественный гимн!

Елизавета Карпова

Я люблю тебя, Максим

Твои слова – как эхо в пустоте ночной,
Любовь горит, но путь к тебе закрыт стеной
Я вижу свет в глазах, но он не для меня
Там кто-то греет пламя твоего огня.
Мой каждый вздох – о тебе, мой каждый сон – твой
след,
Но реальность шепчет жёстко: «Шансов больше нет»,
И этот груз на сердце, будто якорь топит вниз,
Мечты разбиты вдребезги, как хрупкий сервиз.
Я знаю правила игры, не буду их ломать,
Но как же трудно эту правду принимать
Ты выбрал не мой маршрут, не мой причал,
А я стою и молча наблюдаю, как финал.

Я люблю тебя, но вместе нам не быть, пойми
Твоё сердце занято, там нет моей любви

И пусть дороги разошлись, как в море корабли,
Я никогда тебя не позабуду, слышишь ли, Максим!

Запомню каждый миг, улыбку, каждый взгляд,
Как будто в душу впечатан этот яд,
Он сладкий и смертельный, он пьянит и жжёт,
И время, говорят, излечит, только врёт.
Пройдут года, сменятся зимы, весны вновь придут,
А образ твой во мне найдёт надёжный свой приют,
Не стереть, не вырвать, это часть моей судьбы,
Как шрам на сердце от несбывшейся мольбы
Пусть будешь счастлив ты, пусть даже не со мной,
Я отпускаю боль, смывая слёзы тишиной,
Но знай, что где-то там, за гранью всех миров,
Моя душа хранит твою любовь, без лишних слов.

Номинация «АВТОРСКАЯ ПЕСНЯ»

Ирина Соболева

С юбилеем Тайшетский район

Поздравления мои вам, друзья!
Этот день так особенно светел,
Всё, что пройдено, было не зря –
У родного района столетие.
Пусть искрятся сегодня глаза,
И волшебное настроение
Не покинет вас никогда
Мои лучшие поздравления.

Я желаю вам любви,

Я желаю вам богатства,
Чтобы золотом в сердце всегда
Засверкало большое счастье.
Я желаю вам мечту,
От которой, поднявшись с неба,
Вы достанете эту звезду,
Наслаждаясь заветной победой.

Пусть район наш, как прежде, цветет,
Открывая все новые дали.
И пусть каждый дорогу найдет,
Чтобы Родину не забывали.
Берегите любимый наш дом,
Все мгновенья жизни цените,
Чтобы счастьем наполнен был он.
Берегите наш дом, берегите.

Я желаю вам любви,
Я желаю вам богатства,
Чтобы золотом в сердце всегда
Засверкало большое счастье.
Я желаю вам мечту,
От которой, поднявшись в небо,
Вы достанете ту звезду,
Наслаждаясь заветной победой.

Я желаю вам любви,
Я желаю вам богатства,
Чтобы золотом сердце всегда
Засверкало большое счастье.
Я желаю вам мечту,
От которой, поднявшись с неба,
Вы достанете ту звезду.
Наслаждаясь заветной победой.

Я желаю вам любви,
Я желаю вам богатства,
Чтобы золотом в сердце всегда
Засверкало большое счастье.
Я желаю вам мечту,
Вы достанете ту звезду,
Наслаждаясь заветной победой.

**Татьяна Саввенко
(Savvtan)**

Тэшэчка родная

Посвящается 80-летию Победы

1 куплет:

Мчит по полю танк Тэшэчка родная
Грозная машина и подруга боевая
Экипаж гвардейский, им в бою везет
Ах, как воюют черти, никто не подобьет.

Мат они по полю, как заговоренные
Управляют танком, эх, танкисты прирожденные
Прочная броня, не пробить снарядом,
Все Сибиряки, все друзья, все рядом.

Припев:

Тэшечка тридцать четыре - грозная машина
И прицелом бьет врага, мощная махина
Самый лучший наш мехвод ею управляет,
Позывной его «Пчела», по полю он летает.

2 куплет:

И врагу не одолеть нашего мехвода,
Он пройдет Крым и Рим, огонь и воду
В медных трубах проползет, в жару, в зной
Грязь, топь везде пройдет в любую не погоду

И воюет экипаж веселые ребята
Получили ордена и отпуск от комбата,
Не забудет их страна защитников своих,
И однополчане все провожают их

Припев:

Тэшечка тридцать четыре грозная машина
И прицелом бьет врага, мощная махина
Самый лучший наш мехвод ею управляет,
Позывной его «Пчела», по полю он летает.

23.02.2025 год.

Ах, как хочется жить!

*Посвящается всем бойцам,
которые сейчас находятся в зоне СВО и
защищают рубежи нашей Родины!*

Заревом объято небо, стонет земля,
И ребят моих уже нет, но живой я.
Если бы, мама знала, как друзей хоронить,
На сердце такая рана, как с этим жить?

Взрыв гранаты, в одну секунду и наш герой,
Друг мой, Саня немедля, закрыл меня собой,
Пацаны уходите прикрою, я иначе не мог,
Я вернусь обязательно, братцы, со мной оберег.

Красная ракета над лесом, пошли бойцы,
Я перекрестился, с Верою в душе, «С богом, пацаны!»
Ладанку твою, к телу сильно прижал,
Может быть последний бой, все я понимал.

Помню только сильный взрыв, удар головой.
Тело обожгло, тепло пошло под рукой,
И спасла меня, мама, ладанка твоя,
Значит не убит, буду жить, мамочка моя.

Припев:

Ах, как хочется жить, не хочу умирать,
Ты-прости, если сможешь, милая мать,
И в атаку опять, пули, дрон надо мной,
Раз пишу я письмо, значит, мама, живой.

Ты, родная, молись, за меня и друзей.
Пусть закончится это СВО поскорей,
И вернусь я домой, обниму я тебя,
И поможет мне в этом молитва твоя.

08.08.2024 год.

Марина Валеева
(Марина ШАРИФ – НУР)

Мир наш разуму не внемлет...

Мир наш разуму не внемлет,
И погряз в грехах и лжи.
Ну, а совесть тихо дремлет,
Молвить слово не спешит...

На планете вновь не тихо,
Балом правит злая тьма.
Разрушает судьбы лихо,
Насылая смерть она...

Людских судеб повороты,
Все известны лишь Творцу.
Набирая обороты,
Мир наш катится к концу.

А в былое нет возврата,
Сожженны уже мосты.
Пропасть ждёт нас, как расплата,
Манит мраком пустоты...

Обречённо вниз взирая,
Мир готовит свой прыжок.
До конца не сознавая,

Что погибель его ждёт...

Дай же, Боже, людям разум,
И грехи наши прости!
Прекрати все войны разом,
Мир от гибели спаси!

26.10.2022 год

**Летят влюблённые над
городом...**

*Посвящается картине
Марка Шагала «Над
городом».*

Летят влюбленные над городом,
Душой паря над суетой.
Ещё любовь не дышит холодом,
Ещё живут одной мечтой...

И той мечтою нежно связано
Их души рвутся в небеса.
Слова любви не все им сказаны,
Сердца открыты чудесам.

В речах у них ещё нет колкости,
И взгляды нежности полны.
И в счастье, словно в невесомости,
Парят, как Ангелы они.

В туманной дымке неизбежности,
Легко скользят по облакам.
Они ещё в том море нежности,
Наивно верят маякам.

Любви их крылья не утрачены,
А в страсти плаваются тела.
Вся нежность ими не растрочена,
И даль безоблачна, светла.

Но всё ж на землю ещё спуститься,
Судьбой им будет суждено.
А что предначертано свершится,
Так Богом свыше решено.

23.01.2023 год.

